Бульдоги под ковром

Автор:
Василий Звягинцев

Бульдоги под ковром

Василий Звягинцев

Одиссей покидает Итаку #3

Уже несколько тысячелетий сверхцивилизации аггров и форзейлей воюют друг с другом, избрав ареной тайных битв Землю. Перемещения во времени и «переписывание» прошлого – один из приемов этой войны. Но история творится руками самих землян, и именно затем нужны пришельцам Андрей Новиков и его друзья. Герои романа В.Звягинцева не желают быть слепым орудием инопланетного разума. Захватив резидента аггров, они начинают свою игру, главные события которой разворачиваются в начале XX века, куда после нескольких путешествий во времени и пространстве попадают наши современники.

Василий Звягинцев

Бульдоги под ковром

И понял, что я заблудился навеки

В слепых переходах пространств и времен,

А где-то струятся родимые реки,

К которым мне путь навсегда запрещен.

Н. Гумилев

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КУЛЬТПОХОД В ТЕАТР АБСУРДА

Мчался он бурей темной, крылатой,

Он заблудился в бездне времен…

Остановите, вагоновожатый,

Остановите сейчас вагон.

Н. Гумилев

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

«И мы вышли на Столешников, в черноту сырого, слякотного, с косо летящим снегом зимнего вечера. Не скрою, вышли с некоторой внутренней дрожью, вызванной полной неопределенностью того, что ждет нас „за бортом“ конспиративной квартиры, которую так красочно описал в своих мемуарах Берестин. Которая и не квартира вовсе, а московская оперативная база аггров, она же – „лифт, застрявший между этажами лет“, кое-как, ценой серьезных для всех нас неприятностей, отремонтированный Берестиным же. База, существующая в той же точке пространства, что и реальная жилплощадь, но с неуловимым сдвигом по времени, отчего в ней, не путаясь под ногами друг у друга, живут нормальные советские люди и вершат свои темные дела пресловутые, в зубах навязшие и в печенках засевшие инопланетяне, век бы о них не слышать…

А неуверенность в момент выхода на улицу проистекала от высказанного Олегом сомнения как в том, что налаженный им канал выведет нас куда надо, так и в том, что по нему удастся благополучно вернуться. Не впрямую он это сказал, но я-то понял…

Такие вот у нас после внезапного исчезновения Антона начались игры. Рулетка, одно слово, дал бы Бог, чтоб не русской она оказалась…

Однако в ту сторону проход открылся нормально и все датчики показывали правильные параметры. Но Ирину я тем не менее брать с собой не хотел, на такие дела и проще, и надежнее с Сашкой ходить. Но она меня уговорила. Как умела это делать почти всегда.

При первом взгляде в окно я убедился, что по месту мы угадали точно и внизу все же Москва, а не мезозойские, к примеру, ландшафты, хотя плавный полет снежинок разочаровал. Искомого августа не получилось, и если здесь не крутая атмосферная аномалия, то промах по времени. И как минимум четыре месяца в любую сторону.

– Что же ты так, братец? – мягко попрекнул я Левашова, который с прикушенной губой вертел не то верньеры, не то вариометры своего пульта по ту сторону разделяющего нас межвременного проема. Он ответил в меру сдержанно, но все равно неубедительно.

Оттого, что на его циферблатах и осциллографах все выходило, как надо, и обозначался именно «август-84», ни тепла на улице, ни спокойствия в душе не прибавилось. Пожалуй, даже напротив!

Правильнее всего было бы полностью сбросить поле и попробовать еще раз, но что-то меня по-глупому заело. Захотелось, раз уж так вышло, посмотреть на город за окном вблизи. Как иногда вдруг хочется выйти и побродить по перрону неведомого полустанка на пути из Владивостока в Москву же. В надежде… Да кто ж его знает, в надежде на что? А то и без всякой надежды, просто ноги размять и вдохнуть воздуха, иного, чем в надоевшем за неделю вагоне…

И мы с Ириной, которая испытывала примерно похожие, но, подозреваю, более сильные чувства, переглянулись, заговорщически друг другу кивнули, наказали Олегу удерживать канал и побежали переодеться. По сезону и так, чтобы

выглядеть неброско почти в любом теоретически возможном году. С Ирининой экипировкой проблем почти не возникло, да и я быстро сориентировался. Не знаю, как кому, а на мой взгляд, трудно придумать экспромтом что-то универсальнее и неприметнее для нашей страны, чем военная форма без погон, особливо зимой. Кожаная летная куртка, офицерская шапка, бриджи п/ш, хромовые сапоги. Во внутренний карман – ставший уже необходимо-привычным «вальтер ПП», в брючный – пачку четвертных, наиболее подходящих на любой случай купюр. И – вперед!

Под ногами захлюпала снеговая каша, когда мы, открыв массивную дверь и чуть задержавшись на распутье (сиречь на пороге), свернули вправо и пошли вверх, к улице Горького.

На первый взгляд попали мы все же домой. В смысле времени. Не в царские, допустим, годы и не в эпоху победившего коммунизма, а в свое, родное, узнаваемое.

Однако сразу же, совсем немного осмотревшись, я ощутил неопределенный пока, но отчетливый дискомфорт. Грязно было слишком в знакомом переулке. Не по-московски грязно. Глубокая траншея, причем, по всему видно, давно заброшенная, с перекинутым через нее скособоченным мостиком, пересекала путь. В августе ее здесь точно не было.

И вот еще – впереди, от углового винного магазина, загибаясь на Пушкинскую, протянулась пугающая очередь. Как у Булгакова: «… не чрезмерная, человек на полтораста». Вот уж чего-чего… Последний раз такую, да нет, поменьше все-таки, я видел 30 апреля 1970-го, накануне двойного повышения цен на импортные напитки.

Только люди в той, давней очереди стояли совсем другие, из того весьма ограниченного контингента, который кровно задевал факт, что «Наполеон» и «Камю» будут отныне стоить аж двадцать сорок. Даже я, помнится, не счел нужным к ним присоединиться. Потому как ты или сноб, или жмот, а чтобы и то и другое сразу…

Эта же очередь вдруг напомнила мне кадры из ленинградской блокадной кинохроники.

Ирина тоже, кажется, ощутила тревогу и сильнее сжала мой локоть.

Поравнявшись с магазином, я заглянул внутрь. Весь обычно пустынный объем зала был туго набит людьми. Настолько, что не разглядеть прилавков. Так что не полтораста, а с полтысячи человек давились здесь непонятно за чем. И два сержанта в нормальной серой милицейской форме, но с длинными черными дубинками сдерживали натиск трудящихся у огороженного красными первомайскими барьерами входа.

От очереди исходил нестройный, но зловещий гул. Особенно от ее головы, сжатой между барьерами и напирающей извне толпой неорганизованной, зато весьма агрессивной публики.

Поскольку изъяснялась толпа все же по-русски и облик ее, кроме эмоционального фона, мало отличался от привычного, я рискнул поинтересоваться:

– Чего дают, мужики?

Из ближнего к дверям десятка не ответил никто. Слишком они были напряжены предстоящим. «Как перед ночным прыжком с парашютом» – если использовать берестинский образ. А вот успевший уже употребить в другом месте гражданин пенсионного возраста, в натянутой на уши вязаной шапке, информацией поделился охотно: – «Пшеничную». В «чебурашках».

Вторая половина сообщения прозвучала загадочно. Но тут, отчаянно работая плечами и локтями, из дверей вывалился распаренный и расхристанный парень с зажатыми между пальцами правой руки тремя бутылками из-под пепси-колы, но с водочными наклейками. Я понял.

– Эй, земляк, а с винтом берут? – окликнул его кто-то из очереди.

– Берут, только кольцо не забудь сорвать… – переводя дух и рассовывая «чебурашки» по карманам, ответил парень.

Задавать еще какие-то вопросы я посчитал неуместным, хотя и сама ситуация, и милитаристский оттенок здешнего жаргона крайне меня заинтересовали.

Ирина потянула меня за руку, и, огибая все расширяющуюся к хвосту колонну жаждущих, мы отправились дальше.

– Куда мы, Андрей, попали? – недоуменно-испуганно спросила Ирина, миновав такую же, ну, может, чуть-чуть короче, очередь в пивбар «Ладья» на противоположном углу.

– Кабы знала я, кабы ведала… – пришли на ум слова не то старинной песни, не то присловья. – Если верить литературе, такое было только в войну. У Кондратьева в книжке «Отпуск по ранению» весьма похожие водочные очереди описаны. Но на войну не похоже. Посмотрим, что дальше будет… Хотя в любом случае столь агрессивная и массовая тяга к алкоголю представляется странной.

Поток машин по Пушкинской выглядел обычно, и все их марки, за исключением немногих, были мне знакомы.

Черт его знает, может, просто обычные временные трудности и до столицы докатились? Как недавно с мылом в провинции. Завод водочный, скажем, недавно сгорел, или фонды за квартал кончились. А завтра праздник, Седьмое ноября или Новый год… Хотя иллюминация не горит и вид у народа не праздничный…

Но с текущим моментом все равно определиться надо, а поскольку на улице спрашивать не будешь, я решил играть наверняка. Центральный телеграф рядом, там на стене календарь, вот все и выясним.

Однако главное потрясение нам пришлось пережить гораздо раньше. Не доходя до дверей «Арагви», я вдруг поднял голову. И увидел… Над фронтоном Моссовета, словно так ему и положено, трепетал … ТРЕХЦВЕТНЫЙ ЦАРСКИЙ ФЛАГ!!!

И первой моей мыслью при виде того абсурда было… совсем не то, что пришло бы в голову нормальному человеку. А воспоминание о моем юношеском еще, неоконченном, как и многие другие, романе, где так же развевались трехцветные флаги, и по улицам Москвы, по этой вот самой улице Горького, неторопливо двигались вниз от Белорусского вокзала озаряемые вспышками дульного пламени башенных пулеметов угловатые низкие БРДМы …И главный герой, мой «альтер эго», лежал с автоматом в разбитой витрине Елисеевского

гастронома, за баррикадой из мешков с сахаром, ящиков с консервами и копченой колбасой, стрелял короткими очередями по перебегающим фигурам в черных кожанках и в отличие от меня сейчас отчетливо понимал, что в стране происходит контрреволюционный переворот по типу будапештского, 1956 года.

Почему, отчего я тогда писал о событиях, которым сам не мог придумать разумного обоснования? Подсознательно не верил в прочность советской власти? Еще до Праги 68-го предвидел закономерность подобных мятежей? Или – просто жаждал сильных ощущений вольнодумный студент, угнетенный монотонностью послехрущевской жизни? Бог его знает, но вот сейчас я видел именно материализованную сценку из своего романа. Только пока (или уже?) без уличных боев. И значит, мог считать себя, пусть и с натяжкой, провидцем…

Впрочем, тут же, сделав волевое усилие, я отбросил никчемные сейчас воспоминания, осмотрелся, увидел, кстати, табличку с надписью «ул. Тверская» и стал размышлять реально. Что же здесь все-таки могло произойти? На самом деле контрреволюция? Реставрация монархии?

Если да – то как, отчего, какими силами? Всего несколько лет назад (я решил, что находимся мы все же в будущем по отношению к восемьдесят четвертому, а не в прошлом, судя по виду автомобилей хотя бы) невозможно было даже в виде интеллектуальной игры спрогнозировать подобное.

Ну вот попробуем прикинуть не торопясь. Реставрация возможна: а) в результате проигранной Союзом войны. Кому? Американцам? Китайцам? Война в принципе возможна, как развитие афганской, скажем, но тогда уж термоядерная, и сейчас мы бы шли по радиоактивной пустыне. И даже в таком варианте – зачем победителям именно монархию у нас вводить? Не Испания, чай.

б) очередной генсек, Черненко или кто там за ним на подходе, окончательно съехал с нарезки и объявил себя царем? Тоже бред, но объясняет по крайней мере отсутствие радиоактивной пустыни и признаков иноземной оккупации.

в) монархия тут всегда была, и мы, значит, просто в другой реальности. Но с семнадцатого года, не ставшего почему-то революционным, линия развития уклонилась бы настолько, что ни милицейской формы, ни водочных наклеек, ни «Жигулей» и «Волг» мы бы здесь не увидели… Да и самое главное – те же

учреждения и магазины располагаются в тех же самых зданиях, что и в наше время. Достаточно? Тогда выходит, что если развилка и случилась, то буквально вот-вот, год-два назад. И привели к ней какие-то совершенно непредсказуемые из восемьдесят четвертого года факторы…

За этими рассуждениями, частично мысленными, частично высказанными вслух, мы дошли до телеграфа и окончательно убедились в своих предположениях. Да, будущее, 15 декабря 1991 года. Что подтвердило мою проницательность, но никак не пояснило остального.

Больше всего мне сейчас хотелось свежих газет. Уж из них я бы все узнал сразу, хотя бы и между строк. Но два попавшихся по пути киоска были закрыты, специально искать действующие пока не было смысла. Гораздо и вернее просто побродить по улицам и попытаться что-то понять «путем осмотра места происшествия», выражаясь юридическим языком. Да и интереснее, надо сказать.

Следующий час принес новые доказательства того, что изменившие ход истории события произошли сравнительно недавно.

Одно из них – надпись красной краской на стене: «Смерть КПСС», второе – торчащий, как сломанный зуб, постамент памятника Дзержинскому на одноименной площади. От последней картины стало не по себе – все же к Железному Феликсу я относился с определенным пиететом, считая его одной из наиболее уважаемых фигур в нашей истории.

Были и еще приметы, но уже не столь наглядные.

Итак – считаем доказанным переворот, недавний и, безусловно, антикоммунистический. Да вдобавок и бескровный, пожалуй. Никаких следов уличных боев или чего-то подобного, та же военная форма на офицерах, тот же общий облик прохожих… Но! Меня ведь хорошо учили истмату – необходимо прежде всего выяснить: каковы движущие силы этого переворота, какова в нем роль масс, что за партия еще более нового типа свергла власть предыдущей? Ничего подобного не было в этой стране, когда я ее покинул, и не могло за минувшие семь лет откуда-то беспричинно взяться. Разве что диссиденты? Ну, это несерьезно, по долгу службы я знал о них достаточно…

Повинуясь естественному чувству, я повлек Ирину вправо, по улице Двадцать пятого Октября, или как я, фрондируя, обычно называл ее – Никольской. Где, кстати, тотчас же и увидел вывеску магазина – «На Никольской»… Мне хотелось попасть на Красную площадь.

Напротив ГУМа, справа, возвышалась новенькая деревянная часовня, перед ней прозрачный плексигласовый ящик с кучей денег внутри – «Пожертвования на восстановление храма Казанской Божьей Матери». Это как бы нормально, в логике ситуации. А вот прямо – картина уже абсолютно кафкианская! Мавзолей, надпись «Ленин» где положено, почетный караул в гэбэшной форме и с неизменными «СКС» у ноги – и все это осеняется тем же трехцветным флагом на куполе Верховного Совета. Бред, между нами говоря!

Часы на башне показывали двадцать минут десятого. Не поздно еще. Я поставил свои часы по кремлевским. В запасе у нас с Ириной чистых полсуток без какой-то мелочи.

– А вот давай, Ир, сходим сейчас к тебе, на Рождественский, поглядим, что и как? Или по телефону обзвоним друзей и знакомых…

– Ой, Андрей, не надо лучше. Мне и так жутковато. Но сейчас мы с тобой вроде как посторонние здесь, и мир этот словно бы призрачный. Я понимаю, что ерунду говорю, но вдруг – стоит нам себя в нем как-нибудь проявить, и мы уже включимся в него и не вырвемся…

Самое смешное, что я сразу ее понял, примерно такое чувство и во мне шевелилось. То есть – пока я в это не верю – я здесь ни при чем, а вот если поверю… Одним словом, «Я твоего имени не называл…»

– Ну а если по науке? – спросил я. – В принципе возможно что-то подобное, фиксация псевдореальности в результате нашего в нее включения? Алексей вон в шестьдесят шестом что хотел, то и делал, а ничего не произошло…

– Если не считать попадания в развилку, из которой вы с Олегом еле меня вытащили… А честно сказать – ничего я теперь не знаю и не понимаю. Слишком много произошло такого, что в рамки известных мне теорий не укладывается совершенно. Я ж ведь далеко не хронофизик по образованию, и о форзейлях до встречи с Антоном ничего не знала. Лучше всего нам с тобой поскорее

возвращаться в Столешников и изо всех сил надеяться, что Олег нас сумеет отсюда вытащить.

– Успеем, – сказал я с положенной мне по роли и должности беззаботной лихостью, – в Олега я верю, как и в то, что, если мы пойдем и посидим пару часов в ресторанчике попроще, ничего страшного не произойдет. В «Будапешт» и «Метрополь» в моем одеянии, конечно, не пустят, да нам туда и необязательно. Общедоступное же заведение – незаменимое место для сбора информации…

– Не слишком мне это нравится… Ты, кстати, уверен, что деньги наши здесь подойдут? Может, тут теперь какие-нибудь «катеринки» в ходу?

– Обижаешь! – ответил я гордо. – Думаешь, не проверил? Там, в часовне, в ящике для пожертвований, самые что ни на есть наши.

– Ну, пойдем, если рюмка водки с прокисшим салатом так тебя привлекает…

Возвращаясь по Никольской, работающих газетных киосков или стенда с «Правдой» и «Известиями» мы тоже не встретили. Зато на афише кинотеатров фильмы на девяносто процентов оказались американскими, а из них половина – явно эротические, что говорило о наступившей наконец свободе слова и совести. И значит, режим здесь установился прозападный, то есть – не диктаторский, что несколько утешало. Да и по всем другим признакам здешний строй на диктатуру явно не тянул.

Вновь выйдя к площади Дзержинского, мы спустились в подземный переход. Вот тут и увидели… В душной, туманной полумгле толпились сотни людей. И практически каждый чем-то торговал: с рук, с лотков, с расстеленных на грязном полу листов картона. И вид у них был не только не московский, но как бы и не русский вообще. Скорее уж на черный рынок в Манагуа все походило… Продавали польскую косметику, жевательную резинку, бижутерию, примитивной работы игрушки, сигареты со всех концов света и книги. Массу книг! Вот такого я и в странах Перешейка не видел. Море фантастики, детективов, порнографии самого низкого пошиба. Но и приличных, в том числе безусловно антисоветских, книг сколько угодно. Трудно было оторваться, и застрял бы я там надолго, если б Ирина, отчего-то напуганная этим торжищем больше, чем всем остальным, не потянула меня за руку, словно собаку за

поводок от очередного столба…

Но возле лотка с газетами я все же затормозил. Снова масса порнухи, от известных «Плейбоев» и «Пентхаусов» до аналогичных отечественных: «Андрей», «Он», «Она», «Попка по имени Оля» с означенной частью тела на всю обложку. Вдобавок имели место издания всевозможных «сексуальных меньшинств» (новый для меня термин), равно как и отчетливо профашистские малоформатные газетенки. О такой свободе мы не мечтали в самых отчаянных застольных трепах. Но и нормальные газеты тоже были, и я нахватал их с десяток, от привычной «Литературки» и «Московских новостей» до явно монархического «Русского воскресения».

Предвкушая, как я их буду читать и все наконец пойму, влекомый настойчивой и раздраженной Ириной, я вышел на поверхность.

Сумбура в мыслях еще прибавилось, но и исследовательского азарта – тоже. Классические схемы истмата трещали вполне и по швам.

За каких-то семь лет несокрушимый оплот коммунизма, страна с двадцатимиллионной партией, могучей армией и немыслимой силы Комитетом превратилась… Не знаю даже, как и назвать. Но, с другой стороны, попади нормальный, либеральный интеллигент из лета тринадцатого года в конец двадцатого… Затрудняюсь сказать, что бы он подумал!

Поднявшись по темной улице Дзержинского к Сретенке, я вновь предложил заглянуть на Рождественский, а вдруг там как раз мы с ней время проводим – ну те мы, что из этой реальности (она с еще большим суеверным страхом отказалась наотрез), миновав вереницу полуразрушенных домов, мы вышли к Колхозной. Ни в одно из ранее известных мне по этому маршруту заведений мы не попали. Или они прекратили существование вообще, или функционировали в каком-то ином режиме. Но зато смогли убедиться, что за исключением уже упоминавшихся и еще некоторых не совсем понятных «чужеземцу» деталей, в том числе – чрезмерной грязи и неухоженности, которые буквально лезли в глаза человеку, помнящему недавнюю Олимпиаду и фестиваль, – так вот за исключением всего этого жизнь в городе протекала довольно нормально. Потоками неслись машины, горели неоном знакомые и незнакомые рекламы, бежали по своим делам обычные люди. Ничего похожего на послереволюционную разруху, как, впрочем, и следов долженствующего наступить после «освобождения» изобилия не заметно было.

А вот, кажется, наконец, и то, что мы так долго искали. Из-за плотных бордовых штор, наглухо закрывающих окна в цокольном этаже «сталинской» восьмиэтажки, доносилась приглушенная музыка, а бронзовая доска размером в половину газетного листа сообщала, что здесь помещается кафе «Виктория». Я решил войти, но тяжелая резная дверь не поддалась, как я ни дергал витую ручку.

Однако буквально через несколько секунд, словно в ответ на мои усилия, лязгнул засов, и дверь распахнулась сама, выпуская отгулявшую свое парочку. Не растерявшись, я тут же подставил ногу под собравшееся затвориться полотнище.

На пороге, перекрывая вход, возник крепкий парень в пятнистом маскировочном костюме и высоких десантных ботинках, с болтающейся на правом запястье знакомой уже резиновой палкой.

– Вам что? – весьма нелюбезно поинтересовался страж. Знаков различия на его погонах не было, но все остальное выглядело внушительно. Не успев подумать, стоит ли лезть неведомо куда, я ответил уверенно и, как оказалось, убедительно:

– Желаем поужинать…

Парень тяжко задумался, предварительно оценивающе оглядев Ирину. Тут все было в порядке. Одежда говорила о надежном достатке и хорошем вкусе, а внешность… Вряд ли дамы с такой внешностью бывают здесь хотя бы раз в неделю. А я при ней тянул на подполковника примерно, не успевшего переодеться после отнюдь не штабной службы.

– У нас дорого, – ввел он на всякий случай ограничительный параметр, но и показал тем самым, что иных, более серьезных препятствий к тому, чтобы нас впустить, не видит.

– Это не вопрос, – пожал я плечами. – Без денег по кабакам не ходят.

– У нас за вход по стольнику… – уточнил привратник.

«Однако!» – мысленно солидаризировался я с Воробьяниновым и по наитию ответил:

– Да, знаю, нас предупреждали… – и сунул руку в карман.

Последние слова и хрустящие, только что со станка бумажки, решили дело. Страж, можно даже сказать – и. о. святого Петра, не стал выяснять, кто именно нас предупредил, и посторонился, пропуская в особо охраняемый рай.

– А тут, наверно, пошаливают, – сказал я Ирине, когда мы миновали тамбур. – В наше время мальчиков и в помине не было…

Аналогичный же мальчик сидел сразу за второй дверью, вытянув поперек тесного вестибюля ноги в ботинках не иначе как сорок седьмого размера, и курил что-то длинное, коричневое и с ментолом. Посмотрел на нас вялым, скучающим взглядом, зевнул и освободил проход.

Зал оказался небольшим, уютным, освещенным лишь настольными лампами, а главное, что мне очень понравилось, не имел гардероба. Верхнюю одежду клиенты вешали на отростки украшающих стены лосиных рогов. Это я к тому, что сдавать гардеробщику куртку с пистолетом в кармане было бы явно опрометчиво. Как и перекладывать его в другое место на людях. Входя, я об этом как-то не подумал.

Из восьми столиков заняты были только пять, мы сели за шестой, в самом углу, что вполне меня устроило. Напротив мерцал экран телевизора, и я обрадовался, надеясь из местного аналога программы «Время» узнать кое-какие подробности здешней жизни. Но напрасно. Включившись, аппарат погнал видеозапись иностранного кабаре, как бы не «Мулен Руж», с приятной музыкой и обилием полуобнаженных девушек высокого класса.

– Не сюда нужно было за информацией, а на вокзалы, – запоздало догадался я, немного обогревшись и оглядевшись. – Там и телевизоры в залах работают, и пресса свежая наверняка, да и с народом проезжим о чем хочешь можно парой слов переброситься, не вызывая подозрений…

Но это уже было в пустой след, проблема выяснения деталей здешней обстановки предстала вдруг совсем неактуальной, и захотелось поскорее

вернуться в Замок, такой надежный и почти родной.

Так старым зэкам бывает неуютно и тоскливо на воле, где все непривычно и непонятно, а родная камера с ее строгими законами, четкой иерархией и гарантированной кормежкой вспоминается тихой заводью и островком стабильности…

Столь резкий слом настроения я счел нехорошим симптомом. Выходит, за минувший год даже я начал уже десоциализироваться. «Диагноз серьезный и прогноз печальный», – сказал бы на моем месте, наверное, Сашка.

Выбор блюд в меню оказался скудным до неприличия, напитков вообще только два – водка и коньячный напиток «Стругураш» – редкая, как я вскоре убедился, гадость, а цены, напротив, вгоняли в оторопь. Похоже, в случае чего с моими двумя с половиной тысячами тут и недели не продержаться. Инфляция, значит, но пока – в самом начале, раз старые деньги еще ходят. Нет, мыслимо ли – бутылка обыкновенной «Столичной» – пятьдесят рублей!

Края дешевых рюмок соприкоснулись без звона, мы пожелали друг другу удачи и с некоторой опаской приступили к забытым уже московским разносолам. Лучше они не стали, увы!

Наблюдение за жизнью изнутри, вопреки ожиданиям, дало не так уж много. В смысле информативном. А психологически, конечно, интересно. Вот, например, как определить – переход ли к реальному капитализму сейчас происходит или просто второе издание нэпа?

Пока все, что я видел, говорило за второе. Заведение явно частное, публика – недавно и лихо разбогатевшая, еще не научившаяся вести себя подобающе, да, похоже, и не слишком уверенная в будущем. Словно бы здешние посетители просто пытаются, как в плохой самодеятельности, изображать западный стиль, но прорезается неистребимый местный акцент. Подобное я видывал в закавказских республиках в те еще годы.

Но было и своеобразие. Через полчаса примерно телевизор выключили, и из-за портьеры появился капитан царской армии, но с гвардейскими погонами, флигель-адъютантскими аксельбантами и прочими несообразностями уставного характера. В руках он держал гитару явно штучной работы, со вкусом

инкрустированную. Сдержанно приветствовав гостей наклоном головы, капитан вышел на середину прохода, взял несколько аккордов и запел. Репертуар полностью соответствовал антуражу. Хорошим мягким баритоном он пел исключительно «белогвардейские» песни. Часть из них я слышал раньше, но большинство были новые, точнее – незнакомые. Запомнились две. Про казаков, которые веселятся в тринадцатом году. Слова там были удачные: «Знают лишь на небе ангелы ваши, что вас, станичники, ждет…» За такую песню по нашим временам да в публичном месте лет пять бы отвесили свободно…

И еще – «Читая старую тетрадь расстрелянного генерала…» Перед ней капитан предложил гостям помянуть убитого врагами русского народа поэта и певца Игоря Талькова. Никогда не слышал этого имени, но, судя по тексту, поэт он был хороший. Да и насчет его смерти хотелось бы узнать подробнее, но ведь не спросишь же о том, что для всех очевидно, у соседей. В те самые враги, глядишь, и попадешь. Но вообще смысл и формулировка тоста подводили к мысли о чем-то близком к черносотенству. «Враг русского народа» – расплывчато, но по смыслу знакомо… Однако пришлось выпить вместе во всеми. При этом кто-то в противоположном углу заорал: «Суки! Жиды поганые!» – и зазвенело битое стекло: посуда со стола посыпалась от слишком энергичного жеста. Впрочем, продолжения сей эксцесс не имел.

– Знаешь, Ир, мне вдруг показалось, – сказал я, когда капитан сделал паузу, – что подобное могло бы получиться как раз в том мире, где мы с Алексеем геройствовали. По такой примерно схеме – демократизация, что я еще в ходе войны затевал, удалась, после победы «холодной войны» сумели избежать, не спеша реформы в нэповском духе осуществлялись, и получился в итоге некий вариант «социализма с человеческим лицом», как Дубчек планировал или как у Тито. А потом, естественно, товарищ Сталин, то есть я, – помер. Не в пятьдесят третьем, конечно, а за счет крепкого здоровья лет на тридцать позже. И вот когда он все же помер, народ вдруг сообразил: а на кой он вообще нужен, социализм как таковой? Раз в жизни все хорошее как раз за счет отступления от основной идеи и контактов с буржуазным Западом. Опять же по примеру Югославии и Польши могу судить. Ну а те, что мне на смену пришли, с такой постановкой вопроса не согласились и решили в очередной раз гайки подзавернуть, новый «Великий перелом» устроить. Как Сталин в двадцать девятом или Брежнев после Хрущева. А резьба и сорвалась! Итог – налицо.

– Не получается, – сразу, будто уже проиграла этот же вариант, возразила Ирина. – Поцарствуй ты после войны лет хотя бы десять, и страна, и Москва

совсем бы по-другому выглядели. И архитектура, и автомобили, и форма у милиции. Ты сам на Белград или Прагу ссылался, там свободы и влияния капитализма совсем чуть-чуть, и то разница какая. Да и люди вокруг уж больно советские, ничего в них от «свободного мира» нет, ни единого штришка, чистое Пошехонье. При твоей власти здесь бы как минимум Западный Берлин был…

– Ну, спасибо на добром слове… – словно невзначай я положил ладонь на ее руку, и это прикосновение вдруг подействовало так…

Я понял, что мне совершенно безразлично, почему мир вокруг меня такой, откуда он взялся и куда идет. Напротив меня сидит прекрасная женщина, желанная, влекущая и так долго недоступная, а я озабочен совершеннейшей ерундой. Согласившись на условия, поставленные ею, позволяя ей сохранять благородство по отношению к человеку, которому она имела неосторожность что-то там пообещать, да и не пообещать, намекнуть только, я лишаю себя и ее последней в нашей жизни естественной, никому не подвластной и ни от кого не зависящей радости. Живу в придуманном мире, выполняю неизвестно кем навязанную мне роль, а того, что только и остается полностью в моей власти, – не делаю! Абсурд еще больший, чем все происходящее и уже происшедшее.

Словно подслушав мои мысли, капитан наконец сменил репертуар и запел песню Дениса Давыдова из фильма про эскадрон гусар…

К его чести следует отметить, что исполнитель он был хороший и ухитрялся держаться так, что его наряд не воспринимался как маскарад или профанация, а просто казалось – вот умеющий петь офицер музицирует на досуге в кругу друзей…

Наверное, потому, что впервые за год я очутился пусть и в странном, но все же человеческом мире, за пределами тесного изолятора, где есть или близкие друзья, или чужаки, инопланетяне, фантомы, а тут меня окружают, как и полагается, самые разные, не всегда симпатичные, но зато другие и, по здешним меркам, наверное, нормальные люди, я вдруг очень отчетливо вспомнил совсем иной вечер.

Мы с Ириной сидели в «Софии», за столиком у окна, на улице начиналась ночь позднего бабьего лета, теплый ветерок шевелил длинные занавески, на эстраде шесть девушек в белых костюмчиках играли на саксофоне, трубе, ударных, еще

на аккордеоне, кажется, без всякой электроники, очень миленькие, под настроение, мелодии. «Скоро осень, за окнами август…» и в этом же духе. Я тогда вернулся из очередной командировки, разжился деньгами, рублей чуть ли не шестьдесят за очерк получил, вот мы и пошли в наш любимый ресторан. И была это, как теперь понимаю, самая счастливая в жизни осень. Не омраченная никакими сомнениями, суетными мыслями, проклятыми вопросами. Нам просто очень хорошо было вместе каждый час и каждый день. Да и ночь, смею заметить.

На память я вообще не жалуюсь, но сейчас воспоминание было слишком уж четким. Словно под влиянием галлюциногена. Я прямо наяву видел этот стол, чугунную жаровню, сквозь прорези которой светились гаснущие угли, а под тяжелой крышкой томился «агнешка на шкара», бутылки «Бисера» и «Монастырской избы», а за ними – ее тогдашнее лицо, совсем еще юное (двадцать один год ей тогда был) и настолько прекрасное, что она прикрывала его прядями длинных распущенных волос. Но всего не спрячешь, да и фигура… Я, помнится, прямо зверел от постоянно ощупывавших и раздевавших ее взглядов.

Мы сидели, разговаривали, я терроризировал Ирину всевозможными стихами и часто приглашал танцевать, свирепо пресекая аналогичные попытки со стороны. И все время думал о том, что вечер скоро кончится, но хоть его и жаль, мы поедем отсюда на такси к ней, в ее маленькую, но такую отдельную квартирку…

А за окном пролетали со свистом и шелестом машины, прожектора освещали бронзового поэта, неоновые трубки на крыше «Пекина» рекламировали услуги Аэрофлота, толпился народ на ступеньках театра.

Сказка, а не вечер, сейчас таких уже не бывает…

Но от воспоминаний ко мне вернулось то же самое желание – свернуть поскорее не слишком нужное застолье и ехать домой, вернее – туда, где мы сможем еще целых восемь часов оставаться наедине и раз навсегда решить, что у нас, как и кто мы друг другу.

А официант тем временем подал горячую, только с огня и вообще вполне приличную «поджарку по-извозчичьи», в графинчиках тоже оставалось порядочно, капитан после короткого отдыха снова появился в зале, я видел, что

Ирина наконец расслабилась, повеселела, и не стал ее торопить.

Новая песня оказалась не менее интересной и, на мой старомодный взгляд, крайне смелой: «По реке кровавых слез к берегам обмана несчастливая страна держала путь…»

Тут возник небольшой конфликт. Один из заскучавших гостей стал требовать песен на заказ. Капитан ответил ему тихо, но, очевидно, достойно. Если бы не соседи по столику и возникший на пороге страж, мог бы выйти небольшой мордобой. (Впрочем, судя по ледяному спокойствию и манере держаться, певец и в одиночку сумел бы за себя постоять.) А так он просто чуть переместился в противоположный угол зала, боком присел на подоконник и продолжил свою программу.

За едой, тостами, песнями и собственными мыслями я тем не менее никак не мог забыть про лежащую рядом со мной пачку газет.

Они тянули меня, как недопитая бутылка алкоголика. И, улучив момент, я заглянул в верхнюю – «Московские новости».

На первой полосе – фотография двух крепких мужиков на теннисном корте и крупно: «Триумвират славянских президентов огласил смертный приговор Советскому Союзу». Ничего себе! Во-первых, смертный приговор – это как? Во-вторых, какие такие славянские президенты? В СССР их сроду не было, а польско-чешско-болгарские если, так при чем они? В-третьих, на снимке всего двое, и тот, что справа, скорее на японца похож… И четвертое, выходит, все произошло буквально на этой неделе? Оч-чень интересно…

Я быстро перелистал страницы. Бросились в глаза самые крупные заголовки: «Беловежское соглашение», «По СССР плакать не будем, а Горбачева жалко». На ту же тему, похоже, но при чем здесь Горбачев? В мое время он был всего лишь рядовым секретарем ЦК. Разве что после Черненко выдвинулся? И что же с ним, интересно, сделали? Не расстреляли, надеюсь? Ладно, успею выяснить. И на последней странице полосная статья: «Не хочу быть интеллигентом…» Ну-ну, а с чего бы?

Ничего больше я не успел. Ирина, увидев мои действия, толкнула под столом ногой и прошипела раздраженно:

– Ты прямо наркоман! Оставь, что люди подумают…

Людям, кстати, на мои действия было глубоко наплевать. Они и на Ирину не слишком обращали внимание, поглощенные собственными заботами. Вот если бы я заорал сейчас нечто вроде: «Виват государю!» или «Да здравствует славянский триумвират!», тогда кто-то, может быть, заинтересовался бы. Но так экспериментировать я был морально не готов.

…Мороз, пока мы сидели в «Виктории», окреп настолько, что асфальт схватился ледяной зеркальной пленкой, по которой вились стремительные белые змейки поземки. С такси здесь дела обстояли еще хуже, чем в наше время, и пришлось идти пешком, изо всех сил стараясь не поскользнуться на убийственном гололеде.

Попутно мы обсуждали с Ириной мысль о том, что путешествовать в прошлое, как Берестин, не в пример спокойнее и интереснее. А здесь все время чувствуешь себя дураком, и главное – любая добытая информация все равно бесполезна, потому что не знаешь, какой в ней смысл и для чего она может пригодиться в практической жизни.

То же самое, что знать ответ на задачу, когда неизвестно ее условие.

Сквозь Петровку ветер гнал снег, как в аэродинамической трубе. На углу захламленной площадки, огороженной мусорными баками, перед поворотом на Столешников (раньше тут было кафе «Лето» с шашлыками и пивом), нас и остановили. Я еще удивился, увидев впереди продрогшую скорченную фигуру, – какой дурак толчется в полночь на совершенно неподходящем, продуваемом месте. Ждать тут вроде некого – вокруг одни запертые магазины, и машины, хоть такси, хоть частники, здесь не ездят. И совсем я не подумал ничего дурного. Отвык, получается.

– Эй, мужик, – прозвучал классический вопрос, – закурить есть?

Эту шутку я с детства знаю и знаю, как отвечать, но задал вопрос тип уж больно затруханный, в курточке болоньевой, и морда, насколько в неясном свете различалось, врожденно полупьяная. Я решил, что он в самом деле мается без курева после стакана плодово-ягодного в какой-нибудь подсобке.

– Некурящий, – бросил я мельком и прошел, не поворачивая головы, едва не задев его плечом. Однако на сей раз прием не сработал.

– Подожди, командир, не спеши так! – И из темноты возникли и загородили путь еще двое, вида гораздо более серьезного. Вот такие мне никогда не нравились: крепкие ребята, на первый взгляд даже вполне интеллигентной наружности, студенты как бы, но от которых исходит физически ощутимая аура беспощадной безадресной злобы. Я понял, что просто так разойтись не удастся. А драться со шпаной мне не приходилось уже лет пятнадцать. И еще Ирина рядом…

– Курточка у тебя, мужик, приличная, – с издевкой объяснил тот самый, трухлявенький. – А я, видишь, мерзну… Сам снимешь? – и цепко схватил меня за рукав.

Насколько мог резко, я ударил его носком сапога под коленку, он взвыл и скорчился. Это был мой первый и последний тактический успех. Потому что в следующую секунду я получил такой оглушительный удар по затылку… Если бы не шапка – тут мне и конец! Отлетев к шершавой стене углового дома, ткнувшись в нее плечом и как-то исхитрившись не упасть да еще и развернуться лицом к опасности, я увидел, что досталось мне от четвертого, неизвестно откуда вынырнувшего и поигрывающего массивными нунчаками на блестящей цепочке. И остальные двое (сопляка в болонье я не считаю) приближались: один вытянул из рукава не то палку, не то полуметровый отрезок трубы, а второй щелкнул пружинным ножом.

Ситуация складывалась аховая, тем более что Ирина осталась от меня в стороне совершенно беззащитная.

И если судить здраво, проще всего было бы бросить им ничего для меня не значащую куртку вместе с остатком денег. Бросить и спокойно вернуться туда, где мы привыкли чувствовать себя суперменами и вершителями судеб мира.

Но меня уже забрало. Мало того, что в первый же выход в город меня разденет какая-то мелкая сволочь и Ирина будет этому свидетельницей, да и с нее дубленку снимут, в лучшем случае, так ведь по большому-то счету – бывшего товарища Сталина грабят! Это как назвать?

Уличную драку, внезапную и скоротечную, вспомнить и то бывает затруднительно, а тем более – описать. Не будешь же, как в голливудском сценарии, перечислять все замахи, удары и финты.

Помню, что бросился на прорыв, чтобы прикрыть Ирину и с боем отступать до близкого уже подъезда. Получил сильный боковой удар палкой по ребрам. Сам кому-то крепко врезал. Через пару секунд ощутил себя лежащим на тротуаре. В экспрессионистском ракурсе – снизу вверх – увидел, как Ирина, имевшая неплохую, по ее словам, спортивную подготовку, сбила с ног того, что с нунчаками, и, прижавшись к стене, делает руками жесты в каком-то «зверином стиле».

Сжавшись, я прикрыл коленями живот, что спасло от удара, который мог бы стать и последним.

Дальше вообще как блики фотовспышки. Вертящиеся перед лицом Ирины нунчаки, омерзительная кривая ухмылка замахивающегося палкой парня. Распахнувшееся на третьем этаже дома напротив окно и головы любопытных в подсвеченном сзади прямоугольнике. И гулкий звук выстрела, оранжевое пламя перед стволом непонятно когда выхваченного из внутреннего кармана куртки пистолета.

И с этого момента время вновь пошло нормально. Пуля между лопаток бросила владельца нунчака мимо Ирины, на грязный и вонючий мусорный бак. Он словно прилип к нему с раскинутыми для последнего объятия руками, а потом медленно стал оползать вниз. И дальше я не колебался. После войны, Валгаллы и всего прочего обычных, естественных для мирного, законопослушного человека рефлексов у меня, оказывается, уже не было.

Тем более что занесенная над моей головой палка готова была раздробить череп или перебить позвонки. Состояния необходимой обороны не смог бы отрицать самый суровый прокурор. Хотя уж о нем-то я совершенно не думал.

После первого выстрела спуск отжимается будто сам собой, без малейшего усилия. Еще одна вспышка, веер искр от не успевшего сгореть пороха, и второй, выронив палку, постоял секунду-другую, царапая пальцами грудь, будто не пуля туда попала, а раскаленный уголек залетел под рубашку. Потом парень резко сломался пополам и ткнулся лбом в снег. Из горла его с бульканьем исторгся

рычащий стон. И все.

Третий испуганно раскрыл рот, сделал движение, собираясь выбросить нож и поднять руки, но не успел. Ему остался дуплет. Я же говорил, что, начав стрелять, ухоженный пистолет делает это будто сам собой…

Последний, он же первый, кто все затеял, с визгом метнулся за угол. Положить и его вдогон труда бы не составило. Да, может, и стоило. Однако я опустил ствол. Ко мне кинулась Ирина, в окне наверху с треском захлопнулись створки. Даже в «Будапеште», в сотне метров отсюда, вроде бы стихла музыка.

– Давай, быстро! – Я потянул Ирину за руку. Бежать не имело смысла, до нашего подъезда полминуты хода, милиции не видно и не слышно, а свидетелей, с замирающим сердцем прилипших к темным стеклам, я не боялся.

Ну а МУР, если он здесь и существует, должен мне быть только благодарен. Минут через десять приедут, найдут трех, возможно, давно им известных клиентов с орудиями преступления в руках, а рядом четыре характерные гильзы да следы офицерских сапог.

В конце концов революционное время, раз оно тут присутствует, требует для поддержания порядка соответствующих методов.

…Как я и предполагал, никто не преградил нам путь и не помешал подняться на свой этаж. У обитой кожей двери, за которой, по словам Берестина, проживает генерал-полковник авиации, я наконец лично пережил ощущение провала в безвременье. Только что меня окружала ночь девяносто первого года. Ирина поднесла к двери свой портсигар. По глазам ударила вспышка абсолютной тьмы, – по интенсивности сравнимая с фотоимпульсным взрывом – только, естественно, с обратным знаком… Мгновенная потеря ориентировки и координации, чувство стремительного падения с вращением по всем осям. И снова я стою на том же месте и одновременно непонятно где. Возможно, в том же году, где был Алексей, а может, просто секундой раньше… Дверь открылась, и мы вошли в застоявшееся тепло прихожей; еще мгновение, щелчок замка – и, пожалуй, навсегда толстенное дубовое полотнище отсекло от нас непонятную и, признаюсь, жутковатую в этой непонятности реальность номер икс в энной степени.

Положив на подзеркальный столик пистолет, от которого в стерильном воздухе резко запахло пороховой гарью, я помог Ирине снять дубленку, расстегнул «молнию» на высоких голенищах ее итальянских (кажется) сапог, бросил на вешалку роковую кожанку. И только тут вспомнил, что, падая, выронил сверток газет. Вот это меня по-настоящему огорчило. Ну прямо хоть обратно беги…

…Итак, время – час ночи. До восьми утра, когда должен (троекратное «тьфу») вновь открыться вход в Замок, масса минут и секунд.

В квартире, как уже отмечалось, было тепло, почти жарко, старинные чугунные батареи работали во всю мощь. Ирина сказала, что хочет переодеться, и удалилась в полумрак коридора, я же в познавательных целях принялся осматривать комнату, в которой остался. Да, все было именно так, как описал Берестин, – с точностью милицейского протокола. Включая и «браунинг хай пауэр» в ящике стола, и даже пиво в холодильнике. Невероятно, но за двадцать пять минувших (с шестьдесят шестого по девяносто первый) лет оно ничуть не испортилось. И штабеля денег оказались на месте, и бланки документов. Не то чтобы я не верил правдивости записок Алексея, но все равно удивительно…

Пожалуй, и в самом деле, имея такую базу, в годах нашей ранней юности можно было устроиться неплохо. Алексей тогда сразу отмел эту идею, а я, наверное, еще подумал бы и подумал. Обосноваться а-ля новый граф Монте-Кристо, пожить в раннебрежневской Москве в свое удовольствие, а в точно исчисленный момент слинять за рубеж. Вполне конкурентоспособный вариант в сравнении с прочими превратностями минувшей жизни.

Самым же ярким следом пребывания здесь Берестина оказался аккуратно затушенный в пепельнице окурок папиросы. От него еще пахло свежим дымом… До сих пор эмоционально не могу свыкнуться со спецэффектами временных переходов.

Ирина вошла в комнату, и я в очередной раз – так и не привык за годы наших странных отношений – ощутил мгновенный сердечный спазм. Где-то там, в дальних комнатах, у нее имелась своя гардеробная, необходимая принадлежность агентурной работы. Вот она ею и воспользовалась, вполне мотивированно – до утра далеко, в квартире жарко и зимний костюм явно стесняет. Но надела-то она не абы что, а зеленовато-золотистое платье-сафари, очень похожее, а может, и то самое, в котором принимала меня на даче у лесного озера… В незабвенное лето моего возвращения с Перешейка.

Не думаю, что специально, но совпадение получилось многозначительное. Последний, будем считать, намек судьбы.

Мы о чем-то вполне нейтральном заговорили (нейтральном по отношению к одолевавшим меня мыслям), но по ее тону я чувствовал, что все происшедшее, особенно инцидент в переулке, выбило ее из колеи. Не то чтобы она напугалась, как раз держалась Ирина вполне здорово, а скорее расстроилась. Вот если бы мы попали в свое время… Теперь же, после так тщательно подготовленной и все же неудачной попытки вернуться, перспективы грядущего представляются ей… Ну, для простоты скажем – невеселыми. А с другой стороны, чего ей-то, наименее связанной с нашей реальностью, так уж горевать? Я вот почувствовал скорее облегчение. Возвращения я, признаться, давно опасался, плохо представляя себя в забытой уже роли «маленького человека». А уж теперь и вообще. Если то, что там, на улицах города, – наше близкое будущее, так увольте! Пусть магазины, очереди за водкой, постоянная готовность стрелять быстрее, чем думать, и вообще разлитое в воздухе предчувствие гражданской войны…

Разговаривать-то мы с ней разговаривали, я что-то объяснял, успокаивал, вселял надежды, но параллельно размышлял о своем, а вдобавок смотрел на поблескивающие тонким нейлоном колени Ирины и чувствовал, как нарастает во мне непреодолимое к ней влечение.

Слишком все сошлось одно к одному. То, что мы с ней впервые за год остались по-настоящему одни, одни на всем здешнем белом свете, избавленные от постоянно ощутимого присутствия друзей, а особенно Алексея; что квартира так похожа на ту, где она впервые открыла мне свою тайну; пережитая только что совместно смертельная опасность и этот последний штрих – уже немодного фасона платье и туфли-лодочки на тонком каблучке… Не мешает в таком случае и еще заострить ситуацию, вернее – сдублировать ее, сделать так, чтобы подсознание Ирины вспомнило то же, что вспомнил сейчас я…

Не знаю, кем был последний хозяин квартиры, но пластинки он покупал в одно со мной время. Я быстро пролистал толстую пачку конвертов, то глянцевых и ярких – импортных, то склеенных из оберточной бумаги – наших, Апрелевского завода, и хоть не нашел именно того, что хотел, «Сент-Луис-блюза», но и замена была подходящая. Серия «Вокруг света», седьмой номер, «Маленький цветок».

Услышав первые, пронзительные и мучительно-прекрасные такты, чуть гнусавый голос кларнета, она тоже сразу все поняла. По лицу ее мелькнула словно бы мгновенная тень, как от взмаха крыльев ночной бабочки перед ламповым стеклом. И, будто под гипнозом, она встала с кресла. Попыталась что-то сказать, возможно – напомнить о договоре, на что я, опережая непроизнесенную фразу, уже почти коснувшись губами ее губ, шепнул:

– Это там, в Замке, действовало, а здесь все клятвы недействительны…

…В своих записках (никак я не могу от этих ссылок избавиться) Берестин упомянул насчет «предохранителя», якобы мешавшего ему представить Ирину без одежды и вообще отсекавшего разные грешные мысли. Здесь он проявил наблюдательность, но не более. Или не стал, из врожденной деликатности, развивать касающуюся любимой женщины тему. Я не столь тонко организован, поэтому выскажу свои на сей счет соображения.

«Предохранитель», безусловно, имел место. На себе испытал его действие. А суть его, на мой взгляд, такова. Фенотип Ирины (то есть внешний облик), сочетающий в себе весь набор черт, делающих женщину красавицей, оказался вдобавок почти совершенно асексуальным. Именно за счет своей идеальности. Так же, как асексуальна, на мой взгляд, статуя Афродиты Таврической в Эрмитаже. Изумительно гармонична, прекрасна, куда до нее Венере Милосской, но – способна вызвать соответствующие эмоции разве что у подростка. Нормальный мужик подсознательно не верит в реальность идеального образа, как не верит, допустим, шансу выиграть «Волгу» за тридцать копеек. Баба попроще воспринимается нормально, а суперзвезда, да еще холодновато-надменная… Не к нашему рылу крыльцо. Поэтому и у меня при первой встрече с Ириной произошел своеобразный импринтинг. Я воспринимал ее очень долго как отличного товарища, дивное создание природы, но отнюдь не как возможную любовницу. И с удовольствием, но вполне спокойно смотрел, как она купалась без ничего в глухих лесных озерах…

Думаю, этот эффект предусматривался теми, кто направлял ее работать к нам на Землю. Однако всего предусмотреть нельзя, и «на каждый газ есть противогаз». Я в свое время этот секрет разгадал.

…Мы стояли посреди огромной комнаты, погружаясь в густые звуки саксофонных пассажей и в собственное головокружение, и целовались так, как пристало только двадцатилетним. Как мы это делали в самые сумасшедшие дни

нашей первой влюбленности.

Минувший год – господи, уже целый год – добровольного монашества дался ей, при ее темпераменте, куда как нелегко, и теперь она освобождалась от зарока с едва сдерживаемой неистовостью. Она и в молодые-то годы теряла голову гораздо быстрее меня, а сейчас ее возбуждение было подобно взрыву…

…Честно говоря, тогда, в начале знакомства, она в одежде нравилась мне гораздо больше, чем без. Эстетически образ воспринимался гораздо законченнее. Ноги, обтянутые чулками, из функциональных частей тела превращались в произведение искусства, строгие, облегающие английские костюмы подчеркивали достоинства линий тела, полупрозрачные летящие платья создавали сказочно-романтический ореол… Ну и так далее. «Совлекать», как выражался Бальмонт, эти одежды представлялось даже кощунством. Раздеть ЕЕ, словно бы сразу уравнять с бесчисленной массой всех прочих сестер по полу, даже хуже того. А уж тем более невозможным мне очень долго представлялось перейти с ней к «интимным отношениям». Чтобы с ней – и вот так?! С другими как бы и нормально, но с НЕЙ! По той же причине я не решался всерьез предложить ей выйти за меня. Не помню, у кого я прочел: «Смысл отношений с выбранной женщиной состоит в том, чтобы быть с ней только тогда, когда ее хочешь. А в браке ты, увы, должен быть с ней и в те моменты, когда она тебе безразлична, ради того, чтобы она была рядом, когда ты ее захочешь».

Настолько точно я своих ощущений не формулировал, но чувствовал инстинктивно именно это. И в итоге ее потерял, почти навсегда. А может, и действительно навсегда, а сейчас у меня к ней не любовь, а так… Зомби любви.

…Со стоном прервав поцелуй, Ирина несколько раз судорожно вздохнула, огляделась, словно не поняв сразу, где находится, и за руку потянула меня к темному проему двери.

…Все время, пока я ее раздевал, она лежала, запрокинув голову, на вызывающе широкой кровати, застланной скользким атласным покрывалом, падающий из окна красноватый свет освещал ее плотно сжатые веки и полураскрытые губы.

Что она думала сейчас, какие воспоминания проносились перед ее внутренним взором? Наша первая ночь у стога на берегу озера или последняя, на даче у

Левашова, а может быть, вообще что-то не из нашей жизни? Слишком она вся – не здесь… Лежит, распластавшись, расслабив все мышцы, и чтобы справиться с ее пуговицами, застежками, резинками и прочим, приходится прикладывать немалую силу. И сноровку. Так же трудно, как перевязывать потерявшего сознание раненого…

И лишь когда на ее забытом, ставшем каким-то чужим и неподатливым теле не осталось почти ничего, она словно проснулась, стала такой, как я ее запомнил по той ночи в доме ее мужа, обняла меня горячими и сильными руками, начала шептать сбивчивые, страстные, почти бессвязные слова, в которых было все сразу: и горькая обида на меня за то, что так надолго ее бросил, и радость, что мы снова вместе, и просьбы обнять ее еще и еще крепче, а в общем, все то, чего нельзя ни как следует вспомнить, ни повторить на свежую голову, на нормальном, трезвом, обыденном языке.

Слишком бурная и слишком короткая вспышка страсти, ее несдерживаемый, переходящий в низкий стон вскрик – и мы лежим рядом, разжав объятия, и не поймешь, чего сейчас больше в душе – радости, облегчения или странной неловкости, что бывает после таких вот для обоих неожиданных эксцессов. Когда и ты, и она одеваетесь, не глядя друг на друга, и, уже одевшись, прячете взгляды и мучительно молчите, не зная, как быть. То ли сделать вид, что ничего вообще не было, то ли…

…Примерно так получилось у нас с ней в самый первый раз. Проехав за день километров триста, остановились на ночевку у берега темного, тихо плещущегося внизу озера. Натянули палатку, поужинали. Просто по привычке, да и обстановка располагала – летняя ночь, костер, уединение, – я начал целовать пахнущие дымом и озерной водой лицо и волосы.

Мучительное своей бессмысленностью занятие – я ведь знал, что и сегодня оно закончится ничем. Мы оба с ней попали в совершенно дурацкую ситуацию. Она меня любила, с первых же дней была согласна на все, а я… Я вроде бы ее «жалел», на самом деле просто опасаясь связать себя «долгом чести»… И не слишком задумывался, что должна чувствовать Ирина.

А она страдала и терпела. На удивление долго. И вдруг взорвалась. С ней случилось нечто вроде истерики. Обзывая меня предпоследними словами, смысл которых, кроме прямых оскорблений, сводился к вопросу, сколько же я собираюсь над ней издеваться и делать из нее идиотку, которая связалась не

поймешь с кем, не лучше ли мне в скверик у Большого театра ходить, она рывком расстегнула широкий офицерский ремень на белых джинсах, втугую обтягивающих ее на самом деле невыносимые для нормально мыслящего мужика бедра. Потом, поднявшись на колени, дернула вниз язычок «молнии». А ползунок, дойдя до середины, вдруг застрял! И чем резче и злее она рвала его вверх и вниз, тем получалось хуже. Драма обернулась фарсом. С пылающим лицом и закушенной губой она подняла на меня полные злых слез глаза, в отчаянии не зная, что теперь делать.

Я не выдержал и расхохотался. Какой режиссер мог бы придумать такую мизансцену?

И пока я возился, извлекая из-под ползунка прихваченную им складку трикотажных плавок, острота момента прошла. Закончив спасательные работы, я помог ей снять чересчур тесные джинсы, и дальше все получилось как бы само собой. Теоретически она была подготовлена достаточно…

Только таким образом, через год самой тесной дружбы наши ласки завершились не взаимной, пусть и тщательно скрываемой отчужденностью, обидой с ее и неловкостью с моей стороны, а так, как должно было случиться уже давно. И мы лежали, обнявшись, смотрели на пересекающий черное небо Млечный Путь, Ирина то смеялась почти без повода, то прижималась щекой и шептала всякую ерунду, просила прощения за не слишком деликатные выражения и объясняла, что где-то я все же свинья. И так началась та самая, непередаваемо прекрасная осень. А потом я ее предал…

…Пока я курил, пуская в потолок безвкусный в темноте дым, Ирина вернулась из кухни с двумя дымящимися чашками и двумя рюмочками коньяка на подносе, согнала меня с кровати, разобрала постель, сбросила на пол свою короткую рубашечку, нырнула под одеяло и оттуда потребовала подать ей вечерний кофе.

Теперь это была уже совсем другая Ирина. Помолодевшая, как бы освободившаяся от сжимавшего ее тугого корсета и незримой паранджи. Забывшая о том, что было, не желающая думать, что будет.

Она обнимала меня, прижималась горячим и чуть влажным после душа телом, и мы начали ласкать друг друга, наконец-то легко и раскованно, вспоминая все наши старые любовные слова и привычки. Ирина вновь стала очень

разговорчивой, откровенной и говорила обо всем вперемешку, и о том, чем мы занимаемся сейчас, и о прошлом. Только о будущем мы не говорили ничего.

– Признайся, все-таки с Альбой у тебя что-то было? – вдруг спросила она как бы в шутку, чуть прижимая мне горло сгибом руки.

– Да что у меня с ней могло быть? – Я вывернулся из захвата, не люблю, когда меня душат, даже в виде игры. – Все же происходило у тебя на глазах…

– Не совсем. Два месяца вы в форте жили без меня, да и в Замке было достаточно укромных мест. Она говорила девчонкам, что своего добьется и я ей не соперница… А девушка ведь действительно эффектная… Валькирия… И формы…

– Не люблю валькирий…

– Отчего же… Где Валгалла, там и валькирии. Неужели так-таки и ничего? А в последний раз, в прощальный вечер? Ты с ней больше чем на час уединялся…

Вот уж чего не ожидал от Ирины, так это ревности. Причем столь примитивной. Будь я погрубее, спросил бы ее в лоб – а как мне тогда относиться к ее замужеству? Это тебе не час душеспасительной беседы с платонически влюбленной девушкой, которая уходит навсегда из нашего мира… Я ведь тогда, накануне отправки космонавтов домой, в свой век, на стилизованном под первое застолье на Валгалле прощальном вечере, действительно сидел с Альбой на диване в каминном зале и утешал ее, уговаривал возвращаться и бросить глупую мысль остаться в нашем времени насовсем. Были и слезы (ее, разумеется), и почти братский утешительный поцелуй. И ничего больше, хотя Ирина права, стоило лишь захотеть…

Так я ей все и объяснил, не вспомнив о вельможном муже, но слегка намекнул, что ее гораздо более долгое общение с Берестиным дает не меньше оснований для ревности с моей стороны. Однако я-то ей верю, хотя любой другой на моем месте не поверил бы ни за что, хватило бы одного ее странного зарока «ни нашим ни вашим»…

В итоге произошло нечто вроде семейной сцены, которую удалось пресечь только единственным в нашем положении способом.

Нет, что-то все-таки пугающее, близкое к черной магии есть в тех превращениях, что происходят с охваченной страстью женщиной.

Неужели это один и тот же человек – до невозможности элегантная, холодноватая, умеющая осадить любого взглядом, изгибом губ, движением бровей, гордо несущая затянутое в строгие одежды тело женщина, о которой и помыслить чего-нибудь такого нельзя, и та, что сейчас кусает губы, стонет и вздрагивает, оплетает меня руками и ногами, прижимает мое лицо к упругой, напряженной груди?

Сколько раз это происходило, столько я и не переставал удивляться…

Может, напрасно я все это сейчас пишу, касаюсь того, о чем порядочный человек вроде бы должен молчать? Ну а если мне необходимо запечатлеть все хотя бы для самого себя, чтобы когда-нибудь, через многие (надеюсь на это) годы, десятилетия перечитать и опять пережить то, что наверняка забудется, по крайней мере – в деталях. «Остановись, мгновенье», если не наяву, то хоть так, на бумаге. Да и она, возможно, тоже прочтет мои записки и вспомнит эту ночь, даже если уйдет все – чувства, желания, а там, глядишь, и я как таковой, как способ существования белковых тел…

В очередной раз придя в себя, она вдруг повернулась ко мне лицом, привстала, опираясь на локоть.

– Скажи, неужели ты совсем забыл?

– О чем? – не понял я.

– О том, что было на улице… Ты застрелил трех человек и сразу забыл?

– Ну-у, дорогая… Мало того, что вопрос бестактный, он еще и просто глупый. Это ТЫ спрашиваешь у МЕНЯ?! После всего, что уже было? С тобой, со мной, со всеми нами? В роли товарища Сталина я убивал, пусть и не своими руками убивал, посылал на смерть сотни тысяч человек. И на Валгалле… И твоих коллег-соотечественников мы тоже… А тут всего-то банальные уголовники, которым вообще, наверное, ни к чему было жить… Да, застрелил (слово «убил» в этом контексте произносить не хотелось), ну и что? Зато завтра они сами уже никого

не ограбят и не зарежут. А представь, что сегодня на нашем месте оказались бы просто парень с девчонкой вроде нас десять лет назад… И оказывались, наверное: эти ребятки не впервые на мокрое дело вышли, чувствуется. Так тех, кого они могли бы, – не жаль?

– Война, Сталин – то совсем другое. И твои доводы – абстракция. Я о другом. Не страшно разве – сейчас, ты своими руками… Пусть бандитов, но все равно настоящих людей, а не инопланетных своих врагов и не фантомов сконструированного мира…

– Настоящих людей – это хорошо сказано. А если серьезно – кто это знает? Может, как раз эти – фантомы, а там была настоящая война и подлинно существовавшие люди… Но дело, повторяю, не в том.

Помнишь наши разговоры про поручика Карабанова и про мою «карабановщину»?

– Помню, конечно…

– Здесь и ответ. Я ощущал себя Карабановым и до того, как прочитал «Баязет». И, прочитав, поразился, насколько совпадают психотипы. Так что никуда не деться. Он, как и я, всегда исходил только из собственного понимания справедливости, чести, добра и зла. Стихийным экзистенциалистом он был, пусть ни он, ни Пикуль такого термина не употребляли… И тезки мы с ним, случайно ли? Я ответил на твой вопрос?

– Наверное… – Она погладила меня по щеке. – И все равно страшно. За тебя, за себя… Давай ты не будешь больше Карабановым, хотя бы со мной…

– Постараюсь, по единодушной просьбе трудящихся…

…Спать в эту ночь нам не пришлось, потому что около шести она сказала, что через два часа Левашов откроет канал для выхода.

– А нам же не нужно, чтоб по нашему виду все стало ясно?

– Мне так все равно, но если для тебя это существенно…

Видимо, она считала, что да. Ушла в ванную, долго там плескалась и шумела душем, а потом еще с полчаса занималась перед трельяжем своей внешностью, а я готовил завтрак из подручных средств, в смысле из того, что Бог послал прежнему хозяину квартиры.

В результате после макияжа, кофе, консервированных сосисок и мангового сока, легкой сигареты и нескольких завершающих штрихов губной помадой в облике Ирины ничто не намекало на бурно проведенную ночь.

А когда наконец проход открылся, мы, чувствуя себя пассажирами «Титаника», к которому вовремя подошли спасатели, без толкотни и паники пересекли межвременной порог и вновь оказались в пультовом зале, где нас встретил измученный и явно нервничающий Олег, сдержанно-напряженный Берестин, тщательно имитирующий безмятежное спокойствие Сашка. Удивительно, что не оказалось в числе почетных встречающих Воронцова с девушками.

Причем собрало их здесь отнюдь не нетерпеливое желание поскорее узнать, где мы были и что видели. Оказывается, в работе аппаратуры внезапно обнаружились такие возмущения и сбои, что Олег на полном серьезе испугался. Удержать настройку и выпустить нас обратно ему удалось едва ли не чудом.

– Никогда не наблюдал ничего подобного, – говорил он, нервно затягиваясь сигаретой, когда уже убедился, что мы целы и невредимы, а также соответствуем всем предусмотренным тестам на подлинность. – Вот как на экране телевизора идет помеха, если самодельный генератор включить. Жуть прямо-таки. Не знаю, как себя чувствуют космонавты при ручной посадке, но думаю – не лучше…

– А чего же ты нас раньше не выдернул? – спросил я, бросив короткий взгляд на Ирину. Вот цирк был бы, застань они нас в самое интересное время. Эротический театр для эстетов. А с другой стороны, как раз Олег бы и не удивился, он про нас все с самого начала знает. Вот для Берестина было бы потрясение…

– Так нельзя же… Раз шаг процесса был в двенадцать часов установлен. Тут свои принципы, совсем не то, что на моей установке. Межвременной переход с дополнительной фиксацией… Я боюсь, как бы не полный к нам абзац подкрался. Без Антона я совсем дураком выхожу. Кнопки нажимать научился, как дрессированная обезьяна, а смысла не понимаю. Короче – завязываем с

прогулками. Пусть хоть самые распрекрасные характеристики на контроле будут. Или пока я теории не пойму, или – навсегда… Кстати, могу намекнуть, в вашем случае не просто вы за бортом остались бы, а могло так рвануть, что и Замок, и окрестности – в щебенку…

– Да ладно, не горюй. Ирина ж вот есть, она мал-мало соображает, вдвоем помаракуете… Да и Антон… Появится, – сказал я как можно оптимистичнее. – Не в первый раз пропадает по-английски.

Но для себя, без всякой теории, чисто интуитивно я чувствовал, что скорее всего действительно – абзац! Если такого класса инопланетная техника, ранее успешно работавшая, вдруг отказывает, то не в настройке дело. Не молотилка, чай! Предчувствие, которым я всегда гордился, намекало – дома нам в ближайшее время не бывать. Но суеверное нежелание признать даже намек на возможное поражение заставило еще раз повторить с небрежной уверенностью:

– Появится наш Антон. Куда ему деться? Срочная командировка непредвиденная, по высочайшему повелению, раз даже попрощаться не успел. Или мамаша, наоборот, внезапно и тяжело заболела…»

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО I

…Нет, не мамаша срочно заболела у шеф-атташе, и не в экстренную командировку по вверенному ему региону он отправился. Это все дела, как говорится, житейские, простые и понятные. У Антона же все получилось совсем иначе.

После успешного завершения операции, и не какой-нибудь рядовой, а стратегической высшего разряда, положившей конец многовековой галактической войне, он, как принято, ждал традиционного приглашения для личного доклада Председателю Совета Администраторов Департамента Активной Дипломатии, небезызвестному Бандар-Бегавану.

Доклада, следствием которого должна была стать награда с непременным повышением по службе. Ведь в анналах Департамента вряд ли найдется пример

столь же изящно разработанного и блестяще осуществленного плана. Пост Брата-советника на высокоразвитой союзной планете шеф-атташе считал для себя вполне заслуженным.

Однако предусмотренные регламентом и обычаем сроки прошли, а Департамент словно позабыл о его существовании. Это было непонятно и вселяло тревогу.

Осознав, что происходит нечто экстраординарное, Антон направил на имя Бандар-Бегавана стандартный отчет, в котором как бы вообще не упоминалось о «победе» и содержался вполне рутинный перспективный план работы земной резидентуры на ближайший год. Но между строк профессор должен был прочесть все, что нужно. В конце концов он является соавтором акции и не может быть безразличен к происходящему.

Ответ пришел быстро и для любого профессионального дипломата означал едва ли не катастрофу. В традиционных торжественных периодах Председатель выражал сдержанную благодарность за отчет (но не за итоги операции) и настоятельно рекомендовал воспользоваться очередным регулярным отдыхом, местом для которого, с учетом мнения психоаналитиков и терапевтов, определен Даулгир-5.

Он знал этот курорт и в другое время принял бы рекомендацию с удовольствием. Лишенная материков, но покрытая десятками тысяч более-менее крупных островов планета, с климатом, почти идеально соответствующим климату его родного мира, где небо почти всегда затянуто облаками, а постоянные по силе и направлению ветры создают непревзойденные условия для парусного спорта и воздухоплавания, эта планета действительно была подходящим местом, чтобы привести в порядок утомленную психику и в уединении пройти полный курс самосозерцания.

Но в данном случае категорическое пожелание означало, что его появление в Департаменте, да и вообще местах более населенных, дающих возможность бесконтрольных и несанкционированных контактов, признано нецелесообразным.

Он, разумеется, мог и не последовать «совету», избрать для себя иной способ и место отдыха, вообще остаться на Земле до прояснения обстановки, но так поступать у них в Департаменте было не принято. Именно потому, что в период

и в процессе занятий активной дипломатией он и его коллеги пользовались чрезмерной, бесконтрольной свободой, в Метрополии полагалось быть утрированно лояльным.

Однако, наряду с чисто формальными фразами, в предписании содержались и иные, составленные с использованием терминов и оборотов амбивалентной логики, с помощью которых Бандар-Бегаван намекал, что отнюдь не забыл о связывающих его и Антона узах и взаимных интересах и что главный разговор впереди.

Прибыв на Даулгир, Антон употребил все известные ему способы и приемы непрямого воздействия, чтобы избежать процедуры рекондиционирования. Как известно, для работы в мирах, подобных Земле, личность резидента подвергается довольно серьезной структурной перестройке, позволяющей не играть роль аборигена, а действительно быть им, оставаясь при этом в необходимой мере самим собой. А за время службы, естественно, этот психологический каркас обрастает живой, так сказать, плотью практических навыков и специфических привычек.

Разумеется, для жизни в Метрополии все это не нужно и по возвращении сотрудника из миров аккредитации устраняется, окончательно или временно, исходя из обстановки. Нельзя не признать такую практику разумной.

К примеру, у нас на Земле неплохо бы научиться избавлять возвращающихся с войны граждан от многих обретенных там талантов и способностей. А то человек год или пять берет «языков», снимает часовых, вырезает на прикладе или рисует на борту самолета звездочки по числу убитых врагов, взрывает дома и мосты, прицельно бомбит что прикажут с бреющего полета или мало ли еще какие подвиги совершает с вдохновением и блеском, а потом, в мирной жизни, хорошо, если только по ночам мучается кошмарами или впадает в депрессию, бывает, что просто не может остановиться…

Но в данной, конкретной, лично его касающейся ситуации Антон считал, что как раз черты характера поднаторевшего в интригах, в должной степени беспринципного землянина могут очень и очень пригодиться.

Заняв отведенное ему бунгало на почти необитаемом острове, Антон старательно включился в предписанный образ жизни.

Вволю наплававшись на архаических «танреках» с роторным парусом, покорив с помощью гравизащитного махолета все наиболее престижные горные пики, прояснив душу соответствующими месту и времени медитациями, овладев под руководством наставника очередным уровнем своего «сверх-Я», он тем не менее сохранил в себе как раз то, что должно было уйти в первую очередь, – беспокойство о завтрашнем дне, готовность ответить ударом на удар, нежелание смириться с предначертанной участью. Скверные, одним словом, приобрел он на Земле привычки.

Но все равно отдых есть отдых, и во всех основных чертах Антон оставался адекватной форзейлианскому образу жизни личностью. Наряду с общеукрепляющими процедурами он завязал знакомство с группой проводивших время на соседнем острове дипломниц Высшей школы ксеносоциологии и летал к ним в гости почти каждый вечер, покоряя эти прелестные существа веселостью нрава и эрудицией.

Уединившись в очередной раз с самой из них общительной, он был искренне удивлен, когда вместо обещанной демонстрации экзотических танцев (тема диплома: «Хореография как социокультурный фактор межрасовых адаптационных синдромов») девушка с таинственным видом провела его в глубь дома, приоткрыла овальную, покрытую местным орнаментом дверь и, почтительно сомкнув перед глазами скрещенные ладони, исчезла.

Небольшой Сад голубых мхов освещался мерцающим светом, а на возвышении сидел сам Бандар-Бегаван.

Произнеся положенные формулы приветствия, Антон сел напротив. Председатель выглядел утомленным, и его аура, которую он не пытался скрыть, говорила о растерянности и упадке духа. Это давало право обратиться к нему не как к администратору, а как к Учителю.

– Мы проиграли, увы, – тихим голосом говорил Бандар-Бегаван, совершая манипуляции с чашей синтанга без должной сосредоточенности. – Я слишком долго занимался чистой теорией и совсем не задумывался о том, насколько декларируемая политика не совпадает с подразумеваемой. Поэтому мы оба с тобой должны уйти…

– Простите, что осмеливаюсь перебить, но я не перенастроен. Потому буду говорить прямо. Что произошло? Я уверен, что мы достигли полного успеха, и никто не в состоянии это оспаривать. О каком проигрыше вы говорите?

– Хорошо, я тоже постараюсь быть прямым, как землянин. Кстати, девушка, что тебя привела, – моя побочная племянница, и наша встреча абсолютно конфиденциальна. Сам я нахожусь здесь инкогнито. Так вот – Совет Ста миров признал, что наша, как ты считаешь, «победа» на самом деле – проявление преступной некомпетентности, а руководство Департамента и исполнители заслуживают строгой кары. От тебя требуется составить оправдательный меморандум. В виде вербальной ментаграммы.

– Я сначала хотел бы изучить формулу обвинения.

– Отказано. Признано, что степень причиненного нашей деятельностью вреда превосходит уровень твоей компетенции и ознакомление с подробностями дела сотрудника твоего ранга противоречит интересам Конфедерации…

С подобным Антон сталкивался впервые.

– Тогда в чем мне оправдываться? Я получил положенную санкцию и не нарушил ни одной официальной инструкции или формализованного прецедента.

– Очевидно, это и будет предметом рассмотрения. Но, насколько я могу судить, итог предрешен. Тебя скорее всего ждет отстранение от должности и изгнание, а я… Наверное, я выберу «путь просветления». (В переводе на земные аналогии это означает добровольное заточение в заведении типа тибетского монастыря, где «просветляемому» создавались условия для занятий самосовершенствованием, изысканными искусствами и написанием мемуаров. Без права публикации.)

– Вы хотите сказать, что неким Облеченным доверием не по вкусу пришлась наша победа над агграми?

– Вот именно. Доброжелатели мне сообщили, что своими действиями мы аннулировали восемь Программ, пресекли одиннадцать близких к завершению Карьер, изменили к худшему статус нескольких очень влиятельных в Совете территорий… Понимаешь, друг мой, оказывается, никто и никогда не

рассчитывал на столь радикальное, а главное – неожиданно быстрое решение стратегической проблемы высшего порядка. Соответственно не оказалось и тех, кто делал бы ставку на «победу» и сегодня бы нас поддержал.

Антон неожиданно рассмеялся. Бандар-Бегаван посмотрел на него осуждающе-удивленно.

– Простите, Учитель. Я вспомнил земной анекдот. Там представители вооруженных сил двух непримиримых коалиций долго и с переменным успехом сражались за важный стратегический пункт – дом лесника. А потом пришел лесник и всех их прогнал. По-русски это довольно смешно, если знать контекст. У нас с вами получилось примерно так же…

– Возможно. А там не сказано, что в итоге случилось с лесником?

«Да, старик совершенно не в форме», – подумал Антон и ответил, что в русском анекдоте обычно не принято прослеживать дальнейшую судьбу персонажей.

– И что же, в результате нашего с вами наказания кто-нибудь надеется восстановить статус-кво? По-моему, малоперспективная затея.

– У тебя слишком игривое настроение, уважаемый, – опальный Председатель сжал губы в узкую щель. – Не думаю, что предстоящая тебе участь будет столь же весела. Найдутся те, кто об этом позаботится.

– То есть, раз ситуацию нельзя повернуть вспять путем принимаемых мер, налицо всего лишь банальная месть? Да еще по отношению к столь незначительной фигуре… Я начинаю разочаровываться в истинно высоком духе Облеченных доверием…

– У Земли очень ядовитая ноосфера, – будто про себя, но достаточно громко сказал Бандар-Бегаван. – Скепсис, цинизм, гордыня, нравственный релятивизм – суть самые распространенные симптомы отравления. Я думал, что хоть ты избегнешь ее деморализующего влияния. Я ждал, что ты, мой ученик, здраво оценив объективную ценность своего… нашего деяния, примешь тем не менее как должное и воздаяние за право реализовать свою свободу воли… Выиграв в большом, мы потеряем в малом, что лишь послужит восхождению на новую ступень совершенства…

– Знаете, Учитель, вы правы, конечно, как в своем смиренномудрии, так и в оценке характера земной ноосферы. В нее, кстати, составной частью входят две или три философии, очень близкие к исповедуемой нами. Но есть и другие. Причем не знаю, замечали вы один парадокс? У них там учения, духовно близкие нашему, наложены на совершенно чуждый нам материально-психологический субстрат. И я как-то невольно, просто из любопытства, взялся и промоделировал зеркальную ситуацию. То есть привел свой подлинный психотип в соответствие с прагматическими идеологиями Земли…

– Это интересно… – В администраторе проснулся ученый. – То есть ты сознательно расширил сферу соприкосновения внутреннего мира с внешней средой в окружении принципиально иной ноосферы? Я думал, судя по твоим манерам, ты только лишь уклонился от рекондиционирования на поведенческом уровне… А ты впустил чужое в глубины личности. Не слишком ли опрометчиво?

– Нет, ничего, я проверял. Но зато теперь я знаю, как избежать и обвинения, и наказания. И даже… Я не зря спросил насчет статус-кво. Я могу сделать и это…

И кратко, чтобы не сказать лишнего (он не был до конца уверен в подлинной широте взглядов профессора и его способности переступить через некоторые незыблемые этические догматы), Антон обрисовал контуры своего нового, только что приобретшего стройность плана. Упирая на то, что после возвращения группы космонавтов в их личное будущее и задержки с решением судьбы группы Воронцова – Новикова состояние мировых линий в пространстве-времени «Земля, XX век» настолько лабильно, что возможно практически любое решение.

– Насколько я понимаю, ты предлагаешь мне шантаж в отношении Совета? – Слово «шантаж» он выговорил по-русски с плохо скрываемым отвращением, но в целом выдержка профессора оказалась на уровне. В конце концов в своих трудах по имморальным этикам он подошел достаточно близко к нынешним взглядам Антона, хотя и с иных позиций.

– Вы употребляете термин в его земном значении, – уточнил Антон.

– Ни в каком другом он просто не существует.

– Тогда назовем это так. Кроме шантажа в моих замыслах можно вычленить еще преступный сговор, злоупотребление служебным положением, вымогательство и покушение на дачу взятки должностным лицам. (Все вышеназванное Антон произнес по-русски.) Как видите, я неплохо знаком с юриспруденцией. К нашему с вами счастью, ни одно из перечисленных преступлений не имеет у нас наказуемых аналогов, а следовательно, и не может усугубить нашу участь.

– А как быть с кармой? – (На самом деле Бандар-Бегаван имел в виду несколько иное понятие, но для адекватного разъяснения у нас не хватит ни места, ни времени.)

– Русские говорят: «Не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься».

– Послушай, у меня возникла мысль! На самом деле, не ввести ли в мою этическую систему «покаяние» как самостоятельную монаду?

– Думаю, ее гибкость значительно увеличится. Только отложим реализацию идеи до более спокойных времен, – пресек Антон вспыхнувший у профессора реформаторский энтузиазм.

«Тоже мне Лютер нашелся», – добавил он про себя.

– Пока что следует сосредоточиться на текущих заботах. Не знаю, как вы, а я предпочитаю изгнанию повышение по службе. И даже согласен еще поработать на Земле. В этом есть своя прелесть. Она мне близка и привычна, а после устранения аггров пребывание на ней сулит неограниченные возможности. В том числе и для научных занятий. А вас какой пост устроит?

И они углубились в обсуждение тонкостей своего заговора, или все-таки лучше сказать – сговора. Несмотря на нравственный максимализм, Бандар-Бегавану слишком не хотелось терять должность, кафедру, интеллектуальную да и физическую свободу. А предлагал ему Антон вещи, вполне естественные на Земле, но с местной точки зрения, пожалуй, действительно довольно циничные…

Глава первая

…Наташа вошла в кабинет Воронцова. Кажется, совсем недавно она впервые побывала тут, только видела его с другой стороны, из Зазеркалья. И до сих пор не понимала – на самом ли деле было то, что было, или эти воспоминания вложили ей в мозг пришельцы с непонятной целью, не просто ведь затем, чтобы облегчить второе знакомство с Дмитрием. И снова, как тогда, Воронцов сидел за массивным письменным столом адмирала, сверкал серебром кофейник, поднималась над пепельницей струйка табачного дыма.

Он не сразу заметил ее появление, погруженный в изучение каких-то чертежей, покрывавших всю поверхность стола. Попискивал работающий компьютер, по его зеленоватому экрану пробегали колонки цифр, разноцветных квадратиков и схем.

Под ногой Наташи чуть скрипнула плашка паркета, и Воронцов обернулся.

– А, это ты? Разыскала? – улыбнулся.

– Да, разыскала. Раз ты сам не догадался показать мне свое убежище. А оно мне не совсем чужое. Понимаешь, о чем я? Исчез куда-то, третий день не появляешься, пришлось искать. Хорошо хоть, что в Замке ничего случиться не может, а то бы уже с ума сходила.

– Чего ж не понять? В чем-то ты права, согласен. Только… Если уж мы об этом заговорили. Мужчина должен иметь свое, как ты выразилась, убежище. У меня дома даже мать к отцу в кабинет без приглашения не заходила. И я лет до шестнадцати – тоже. Так было заведено, и, по-моему, – правильно…

– Может, мне уйти?

Воронцов снова улыбнулся, как когда-то, похоже, сохранил эту улыбку последним напоминанием об их общей юности, встал и взял Наташу за руку.

– Обижаться не нужно. И пытаться переделывать друг друга – тоже. Есть вещи, которые нужно принимать как данность. Или не принимать вообще. Вот у меня срочная работа появилась, такая, что буквально не оторваться, даже на обед

ходить нет ни времени, ни желания… И еще не раз что-то подобное возможно. Я тебе уже говорил, что жена морского офицера – довольно специфическая профессия. Я думал, ты давно поняла. Оттого что я сейчас на берегу, ничего не меняется. Тем более что это только вопрос времени…

Наташа из всего им сказанного выделила для себя только одно – что он второй раз за время их нового знакомства употребил слово «жена» применительно к ней. И впервые – в прямой постановке. Тот, первый раз он сказал противоположное, что она скорее выгадала, не став его женой. А больше они этой темы не касались. Ей было достаточно, что он с ней, и Наташа боялась спугнуть свое счастье, начав что-то выяснять о сути их отношений. Да честно говоря, и не считала себя вправе претендовать на большее после того, как вышла замуж за другого, жила с другим и не сама пришла к Воронцову, а встретилась с ним случайно. То есть фактически у них имел место не добровольный и равноправный союзнический договор, а безоговорочная капитуляция. И пусть Наташа не формулировала для себя положение именно таким образом, но понимала его так и старалась держаться соответственно.

Но теперь слово произнесено.

– Ты и здесь все сам решил? – спросила она, чуть наклонив голову и прищурившись. – И я имею право официально считать себя женой?

Воронцов потер ладонью подбородок, словно проверяя, не пора ли побриться. Заложил руки за спину, качнулся с каблука на носок.

– Как тебе сказать? Я думал, мы с тобой сразу все решили. Когда ты меня с порога не выгнала и… все остальное. Впрочем, если имеешь иные соображения – дело твое, не смею навязываться.

– Какой ты… невыносимый тип. Тебе только с мостика командовать да политзанятия с матросами проводить. Интересно, с кем-нибудь так было – живешь-живешь и вдруг узнаешь, что уже полгода чья-то жена?

Воронцов пожал плечами. Подошел к малозаметной дубовой дверце в стенной панели. Полуобернувшись, спросил:

– Так как же? Согласна ты с названной должностью или…

Только что Наташа обрадовалась, и вдруг ей снова стало не по себе. Что-то такое угрожающее послышалось ей в тоне Дмитрия. Будто он так и не забыл ничего, и не простил ей, и продолжает утонченно мстить, словно невзначай язвя и унижая.

Как граф Монте-Кристо долгие двенадцать лет во всех своих жизненных перипетиях недобро помнил о ней, лелея планы, для того ее и разыскал, сделал своей любовницей и по-прежнему выжидает момента, чтобы задеть побольнее… Да ну, ерунда какая, тут же одернула Наташа себя. Уж он-то на подобное не способен, просто такой у него выработался характер. И не без ее, признаться, помощи.

– Ну что ты меня мучаешь, Дим, сам же все знаешь. Конечно, я согласна, просто иначе себе все представляла…

– Хорошо, если так… – Он открыл дверцу, и в руке у него оказалась красная сафьяновая коробочка.

Воронцов надел ей на палец давно приготовленное кольцо с тремя довольно крупными бриллиантами – ее зодиакальными камнями. И поцеловал, тут же словно застеснявшись этой процедуры. На глаза Наташи набежали слезы, но она сдержала их, улыбнулась вздрагивающими губами.

– А по-настоящему – как-нибудь позже, – сказал он, доставая из бара бутылку «Абрау-Дюрсо». – Не хочется мне цирк устраивать…

– Да, – кивнула Наташа, подставляя под горлышко сразу наполнившийся пеной бокал. – Давай пока вообще никому не говорить. Тут с этим делом, сам знаешь, сплошные драмы и трагедии…

– Воля ваша, барыня. Я эти соображения тоже учитывал, хоть и не все понимаю. Тому же Олегу с Ларисой вроде никто и ничто не мешает. Правда, между нами говоря, особого смысла в подобных актах не вижу, в наших конкретных условиях. Как будто, в случае чего, данная процедура тебя удержит…

– Ты, как всегда, ничего не понимаешь. – С кольцом на пальце Наташа на самом деле чувствовала себя совсем иначе, немного даже удивляясь происшедшей

перемене. Ей казалось, что в первый раз, во Дворце бракосочетаний, все было не так абсолютно. Там она испытывала скорее растерянность и страх – от бесповоротности совершаемого, от неуверенности в том, что стоящий рядом с ней человек действительно любим и нужен… И ведь не обмануло предчувствие.

Ну что ж, остается надеяться, вдруг на этот раз боги будут к ней милостивее.

Чтобы как-то разрядить слишком уж многозначительную и чересчур мелодраматическую сцену, Наташа, поставив бокал на край стола, спросила:

– А теперь-то, надеюсь, я могу узнать, чем ты тут в одиночестве занимаешься?

– Да ничем таким уж особенным. Просто я – человек предусмотрительный. На волю обстоятельств полагаться избегаю. И в успешное завершение нашей эпопеи не слишком верю. В смысле – не до конца. Всегда может произойти что-нибудь непредвиденное. Как уже на Валгалле случилось. Посему следует иметь кое-что в запасе.

– Что значит – не веришь? Думаешь, мы можем остаться в Замке навсегда? – Подобные мысли тоже приходили ей в голову, особенно когда она слушала споры друзей с Антоном и между собой. Но там все завершалось на оптимистических нотах, несмотря на то, что космонавты благополучно отбыли в свое родное время, а они остались здесь. Но ведь, с другой стороны, отбыли же, значит, и им в свое время удастся. А услышав слова Дмитрия, она как-то вдруг поверила, что прав оказаться может именно он.

– Не знаю. Утверждать не берусь. Все может быть. Но вдруг? Да еще и из Замка нас попросят…

– Кто?

– Тоже не знаю. Но Антон-то исчез. А вдруг – навсегда? Придет на его место новый хозяин и скажет: – Выметайтесь, господа…

О подобном Наташа тем более не задумывалась. В Замке ей понравилось. И хоть последнее время стало немного скучновато, не хватало сильных ощущений, приключений и интриг, о которых она мечтала, ничего другого она себе не

желала. Пока. Прекрасные окрестности, неограниченные возможности для любого вида развлечений, приятное общество, удовлетворение самых изысканных потребностей. Ну, пусть не хватает зрителей, перед которыми можно блистать красотой, нарядами, положением, если угодно, нельзя пока порисоваться перед московскими подругами в своем новом качестве, и все же мысль, что она может вдруг оказаться, как Ева, изгнанной из рая, была непереносимой.

– Неужели ты серьезно? Просто выгонят, и все?

Воронцов снова пожал плечами.

– Да откуда я знаю? Может, ничего и не будет. Но просто в море нельзя выходить, если весь экипаж и пассажиры не обеспечены спасательными средствами. Это же означает, что корабль непременно утонет…

– И что в нашем случае можно считать спасательным средством?

Воронцов подвел ее к столу, указал на верхний лист чертежей. Наташа увидела продольный разрез очень, судя по масштабу, большого четырехтрубного парохода.

– Мы находимся на Земле, – словно читая лекцию, начал Дмитрий. – Земля на две трети покрыта океанами. Следовательно, наиболее универсальным транспортным и спасательным средством является хорошее мореходное судно. Что знал еще праотец Ной. На таком вот пароходике – здесь изображена знаменитая «Мавритания» – при любом развитии событий можно просуществовать сколько угодно, хоть всю жизнь, пользуясь при этом невозможным на суше комфортом и иными прелестями цивилизации. Ну вот, допустим, пусть и чисто условно, что домой мы не попадем, а из Замка придется уйти. На суше куда нам деваться? Если за бортом Средневековье или вообще палеолит? Перемрем-с. Да пусть даже и в наше время вернуться, но без ничего, сильно это нам после здешней жизни понравится? А на корабле проживем ничуть не хуже, чем в Замке. Каюты суперлюкс, рестораны, библиотеки, мастерские, электричество, медпомощь мирового класса, запасы продовольствия на годы и годы, оружие… И полная свобода передвижения плюс экстерриториальность.

Воронцов настолько увлекся, рассказывая и показывая на чертежах и рисунках все, о чем говорил, что Наташа подумала – дело совсем не в гипотетических опасностях. Просто Дмитрию надоело на суше, вообще без привычного дела, вот он и придумал себе забаву. Стать владельцем и капитаном собственного корабля, плавать по морям куда захочется… И главное – не чувствовать себя на вторых ролях. Она же понимала, что Воронцова не могло устраивать то положение, какое он занимает в их маленьком мирке. А если он воплотит в жизнь свой план…

Она еще подумала, что с него вполне станется самому организовать нечто такое… После чего план осуществится сам собой.

– А как же… – спросила она совсем не то, о чем подумала, – на таких кораблях, по-моему, сотни человек должны управляться.

– Все продумано, – заговорщически подмигнул он ей, – впрочем, это я пока так, прикидываю…

– Подожди, – пришло ей в голову самое главное. – А где ты возьмешь этот корабль? – Она уже привыкла ко всяким чудесам, но одно дело – разные там пистолеты, напитки, еда, одежда и прочие мелочи, что извлекались из камеры дубликатора на Валгалле или вообще неизвестно откуда в Замке, а совсем другое – пароход длиной в двести метров.

– Не вопрос. Этим я как раз и занимаюсь, – он кивнул на экран компьютера, продолжавшего свою таинственную деятельность. – Только об этом пока никому ни слова. Ты, я – и больше никого в нашей компании.

– Само собой. Только давай ты на сегодня закончишь свои труды, соберем народ на общий ужин или лучше на пикник, придумаем убедительный повод, и только сами будем знать, в чем дело…

– Принимается, госпожа Воронцова. Теперь в подобных вопросах ты хозяйка. Но так-таки никому и не скажешь? Даже и Лариске?

Наташа беспечно махнула рукой.

– Ей как раз и нечего говорить. Все, что нужно, я ей давно рассказала, а всяким формальностям она принципиально значения не придает.

– Ну-ну… – с некоторым сомнением протянул Воронцов. В безразличие женщин к таким вещам он не верил.

…Можно подумать, что Воронцов обладал даром ясновидения, хотя это и не совсем так. Просто предыдущий образ жизни (при том, что психологически он всегда оставался оптимистом) выработал у него привычку всегда предполагать возможность наиболее неблагоприятного развития событий и готовиться действовать именно в таких условиях.

Оттого он и не удивился, когда его прогнозы начали сбываться, причем неожиданно быстро.

Антон появился в тренировочном зале, когда Воронцов с Шульгиным фехтовали. Не на спортивных эспадронах, а настоящими офицерскими шашками образца 1909 года. Сам по себе риск получить серьезное ранение был не так уж велик, потому что кевларовые чехлы поверх курток клинок не прорубал, титановые маски надежно защищали голову, но и вес оружия, и сила удара создавали ощущение подлинности поединка.

Несмотря на то, что Воронцов в училище был кандидатом в мастера и чемпионом флота, против Шульгина он держался едва-едва.

Счет был один – четыре, и Воронцов медленно отступал, с трудом успевая парировать непрерывные атаки партнера. Обычно принято писать о «звоне сабель», а на самом деле никакого звона не бывает. Острия встречаются с глухим стуком, а при боковом соприкосновении клинков раздается короткий немузыкальный лязг.

Звуки, в общем, неромантические и для употребления в поэзии малопригодные.

Появления на пороге зала знакомой фигуры Воронцов, поглощенный боем, не заметил, зато Шульгин увидел форзейля сразу.

Дмитрий в этот момент сделал длинный выпад, целясь рубящим ударом в голову противника. У них было джентльменское соглашение – фехтовать по правилам, без всяких фокусов и азиатских штучек.

Но тут Сашка удержаться не смог. Уж больно захотелось показать надменному пришельцу, кто есть кто… Он давно не тренировался в этом смертельном номере, но сейчас был уверен, что получится. Кураж этакий появился…

Вместо того чтобы парировать шестой защитой воронцовский удар, он молниеносно перебросил шашку в левую руку, а открытой ладонью правой встретил рассекающее воздух лезвие. Воронцов не успевал ни остановить удара, ни отвести его в сторону и непроизвольно зажмурился. Ощущение было такое, будто клинок вошел в мягкую глину.

Открыв глаза, Воронцов увидел, что Сашкина рука в полном порядке, не хлещет из нее фонтан крови и отрубленные пальцы не валяются на дорожке. А сам Шульгин, плотно зажав лезвие в кулаке, медленно отводит его в сторону.

– Что ты… делаешь! – Дмитрий в ярости сбросил маску.

– Тс-с… – Шульгин указал взглядом в сторону идущего от двери Антона. – Это я не для тебя, для него. А риска ноль, я же захватил клинок сверху… Детали потом, наш приятель уже близко, и морда у него не такая уж радостная… О, смотрите, кто к нам пришел! – восхитился он и отсалютовал шашкой, которая так же мгновенно вновь оказалась в его правой руке. – А мы думали, ты навсегда нас покинул…

– Как можно, куда же я от вас денусь? Но вы, похоже, не слишком без меня скучаете… – Он взял Сашку за руку, с интересом осмотрел ладонь. На ней, кроме едва заметной красноватой бороздки, никаких признаков происшедшего не наблюдалось. – Вам, видно, без сильных ощущений уже и жизнь не в жизнь? Тогда бы уж и маски поснимали. Видно, – вздохнул он, – нельзя таких орлов надолго без дела оставлять. Дичают…

– Опять какую-нибудь пакость придумал? – спокойно поинтересовался Шульгин, стягивая промокшую от пота стеганую куртку.

Воронцов раздевался молча, ожидая от Антона следующей реплики.

– Смотря что ты под этим понимаешь, – форзейль улыбнулся еще шире, словно рекламируя новый сорт зубной пасты. – На мой взгляд, уж кто-кто, а ты ко мне претензий иметь не должен…

– Ладно, – сказал Шульгин, вогнав клинок в ножны, – насчет претензий разговор особый, а сейчас мы в душ сходим. После чего, если желаешь, можно и побеседовать… Поподробнее.

– За тем и пришел. Я вас в баре подожду. Что пить будете?

– Придем – тогда и определимся. Зависимо от настроения.

– Чего это ты с ним так сурово, даже слова не сказал? – спросил Дмитрия Шульгин, поворачиваясь под секущими, как шомпола, струями шарового душа.

– А так. Для интереса. Я сразу понял, что ему от нас чего-то надо. Вот и пусть анализирует, в каком я настроении и как со мной разговаривать…

– Позицию согласовывать будем? Или на интуиции?

– Позиция у нас всегда должна быть одна – не позволять держать себя за дураков и не продешевить…

– Это понятно, а конкретнее?

– Конкретнее я не больше твоего знаю. И гадать не берусь, хоть и чую – пахнет керосином. И скорее для него.

– Почему не для нас? Было бы логичнее.

– Я его лучше тебя знаю. Если б только нас касалось, он бы без заходов из-за угла обошелся.

– О! Без заходов – обошелся. Это что – каламбур?

– Скорее просто тавтология. Пошли, что ли?

В маленький, примыкающий к раздевалке спортзала бар, терпко пахнущий кожей мебели и обивки стен, женщины не заходили, и Шульгин украсил все свободные вертикали вызывающе эротическими «ню» на стеклянных слайдах в натуральную величину, с подсветкой.

Антон ждал друзей, помешивая соломинкой коктейль в высоком стакане и меланхолически рассматривая смуглую красавицу, почему-то решившую прокатиться верхом в одних лишь кружевных чулках и лакированных туфельках на умопомрачительных шпильках. Все остальное у красавицы тоже было умопомрачительное, но наибольший интерес у серьезного зрителя вызывали естественные вопросы: каково ей приходится на рысях в глубоком драгунском седле и как она вообще оказалась в ситуации, похожей на сцену из старого фильма, «Котовский», кажется, где голые красноармейцы атакуют белых в конном строю.

– Ну-с, вот и мы, – доложил Шульгин, пока Воронцов переминался у стойки с бутылками, не зная, ограничиться ли пивом или для предстоящей беседы стимулировать себя чем-то поосновательней.

– Собственно говоря, Саша, я хотел бы пообщаться с каждым из вас тет-а-тет…

– Чего это вдруг? Тайн у нас с капитаном давно друг от друга нет.

– Да и у меня нет, тем более вы потом все равно будете мнениями обмениваться. Но просто и мне так проще, и вам тоже… Мало ли что вы при себе оставить захотите…

– Кстати, Саш, где-то он прав, – неожиданно поддержал Антона Воронцов. – Если хочешь – я уйду, а хочешь – ты…

– Мне тоже сугубо одинаково. Пусть сам скажет, с кого начать желает.

– Раз вам все равно, я бы предпочел сначала с Дмитрием. С тобой, Саша, разговор будет специфический и довольно длинный, а с тобой, – он обратился к Воронцову, – может, и за пять минут закончим…

– Ну, коли так – я пошел. Потребуюсь – найдешь… – Шульгин, так ничего и не выпив, утрированно церемонно откланялся и удалился по коридору, насвистывая.

– Итак? – Воронцов выдавил в стакан вермута целый апельсин, добавил льда, почмокал, оценивая вкус, откинулся в кресле, заложил ногу за ногу и весь обратился в слух.

– Может, и вправду, удастся в пять минут все порешить? – с надеждой повторил Антон.

– Я такой, что можно и быстрее… Формулируй…

Оба понимали, что играют в одну и ту же игру и ни о каких пяти минутах не может быть и речи, только Антон знал, чего он хочет, а Дмитрий не подозревал даже приблизительно.

– Да и формулировать особенно нечего. Я попал в очень неприятную и для себя, и для вас ситуацию и плохо представляю, как из нее удастся выпутаться. Но в любом случае без вашей помощи не обойтись.

– Это уж само собой. Похоже, в Галактике вообще не осталось мест и моментов, где без нас можно обойтись. За что тебе только деньги платят?

– Можешь смеяться, но в чем-то ты прав. Иначе зачем бы я полжизни на ваши земные дела угробил? Но пофилософствовать на эту тему мы еще успеем. А сейчас мне нужно, чтобы ты отдал наконец Книгу. Пока можно было, я тебе не надоедал. Теперь же…

Антон развел руками.

Воронцов почувствовал даже нечто вроде разочарования.

«От него кровопролития ждали, а он чижика съел» – как писал, по другому, впрочем, поводу, Салтыков-Щедрин.

Он про загадочную Книгу уже почти что и забыл, и тогдашнее настроение давно ушло, Дмитрию теперь было скорее странно, что он вдруг так уперся. После всех событий и приключений до тайн ли древней истории, и кого теперь с теми тайнами знакомить, если вообще неизвестно, удастся ли вернуться домой, и даже если да – то в каком качестве… Но раз Книга до сих пор нужна Антону…

– Сдается мне, что это твои проблемы. Я же как-то не вижу, отчего вдруг следует возвращаться к старому? Тем более что ни одного из своих обещаний ты так и не выполнил…

И не дав Антону возразить, перешел в контрнаступление. Начав с того, что даже полушутливого условия о передаче ему прав владения на дачу в Гульрипше Антон не выполнил, Воронцов обвинил его во всех нынешних бедах, главной из которых, безусловно, следует считать невозможность вернуться на Родину.

– А если даже и вернемся, что нас там ждет? Я прямо и не представляю, чем по-настоящему честные и благородные партнеры должны отблагодарить тех, кто обеспечил им столь грандиозную победу над историческим врагом! Их осыпали бы всеми мыслимыми и немыслимыми почестями, титулами и орденами, наградили бы поместьями, да что там поместьями? Целые провинции и вассальные государства! Вспомни, как Наполеон благодарил своих верных соратников. А Александр Филиппович!

– Какой Александр Филиппович? – оторопело спросил сбитый с позиций форзейль.

– Разумеется, Македонский. Птолемею – Египет, еще кому-то – Персию, и так далее. А ты? Ходишь, клянчишь то одно, то другое. А мы, как недоумки какие, ни отказать не можем, ни цену настоящую спросить. Вот зачем ты утверждал, что без проблем нас домой переправишь? А лапшу мне вешал насчет поездки в вашу Метрополию, торжественный прием на Совете Ста, или сколько у вас там миров? Может, ты вообще никакой не форзейль, или этой кличкой у вас своих остапов бендеров называют? Союз меча и орала! Так я не Кислярский, ни пятьсот, ни двести рублей не дам!

Получилось это у Воронцова гениально. И ему даже стараться особо не пришлось. Он просто вспомнил соответствующее состояние и настроение, какое было, когда он разбирался с обманувшим его в одном щекотливом деле вторым

помощником с «Маршала Куликова».

Удались и праведный гнев, и оскорбленная невинность, и легкий намек, что как бы там ни было, а при определенных условиях примирение еще возможно. К чему он и подводил. В тот раз удалось выбить у коллеги в покрытие морального ущерба бочку свинцового сурика и две бухты капронового троса. Антон оказался не крепче. Он начал оправдываться, ссылаться на действие непреодолимых сил природы и форс-мажорные обстоятельства, сказал, что с удовольствием передал бы Воронцову не только провинцию, но и вообще большую часть оставшегося после устранения аггров бесхозным имущества и подконтрольных им сфер влияния. Но вот беда, все это станет возможным как раз только после возвращения Книги.

– Опять за рыбу гроши! Ну а какие у меня основания и дальше тебе верить? Может, ты больше вообще ничего не можешь или не хочешь сделать? Вот без тебя Олег попробовал настроиться на Москву, на день нашего исхода, а ничего не вышло. И занесло черт знает куда, и канал едва-едва сумел удержать. А раньше ведь получалось. Если после переброса правнуков на самом деле зафиксировалась другая реальность, так нам что, здесь и помирать?

– Ну, что вас не туда занесло – еще не самое страшное. Олег не учел принципа неопределенности, а на таком коротком интервале при точной пространственной наводке разброс по времени на три-пять лет очень вероятен. Особенно если опыта нет. Думаешь, я на твоем месте, на капитанском мостике, сумею корабль с ходу к стенке подвести и ошвартоваться, хотя и теорию знаю, и не раз видел, как ты это делаешь? Проблема совсем в другом…

Дмитрий немного послушал его рассуждения, нить которых довольно быстро потерял (на что, возможно, Антон и рассчитывал), а потом, словно только что до этого додумался, с сомнением сказал:

– Вот чтобы нам не трепаться больше зря, давай так и условимся – в качестве задатка ты выполнишь мою просьбу, для тебя не слишком обременительную, а я тебе после этого вручу Книгу. Причем если в ней действительно есть что-то полезное из земной истории, ты мне это перепишешь. Консультант у нас есть, разберется, ценно оно для нас или нет. А когда ты товар получишь и свои проблемы решишь, поговорим об окончательном расчете. Годится?

Воронцов тоже, видимо, утомил Антона своим многословием, примитивными хитростями и детской неуступчивостью. И форзейль с облегчением согласился.

– Если, конечно, твое требование вообще выполнимо в нынешних условиях.

– Для тебя да чтоб невыполнимо? Не прибедняйся…

И Воронцов рассказал, чего именно он хочет, причем, как бы преуменьшая размеры своей просьбы, говорил о корабле как о небольшой яхте, на которой хотел бы совершать морские прогулки и отдыхать от монотонности здешней жизни.

– Действительно, ничего принципиально невыполнимого здесь нет, – ответил Антон, когда Воронцов замолчал. – Но нужна ведь очень тщательная проработка. Если в твоей памяти есть все нужные данные… Как, например, были о Наташе…

– Зачем же на память полагаться? Технические чертежи, фотографии, спецификации и прочая документация годится?

– Вполне… Плюс кое-что еще.

– Но это еще не все. Сам понимаешь, с нормальным пароходом мне одному не справиться, впятером – тоже, поэтому система управления должна быть… Чтобы из рубки я мог управлять, как автомобилем…

– Придется подумать, но и это возможно.

– И последнее. Как бы легко корабль ни управлялся, без экипажа он обойтись не может. Палубные работы, погрузка-разгрузка, ЧП всевозможные… Я же не могу круглые сутки не спать и находиться в десяти местах одновременно. Даже на самом лучшем автомобиле в дальний рейс поодиночке не ездят. Не знаю, как на самом деле, но в соответствующей литературе развитые цивилизации имеют нечто вроде роботов. Вот и я бы хотел… Желательно человекообразных.

Антон откинулся в кресле и поставил свой стакан на стол.

– Ну, ты вообще… Лишку хватил, не кажется? Какие тебе еще роботы?

– Обыкновенные. Так называемые биороботы, или киборги, или андроиды, не знаю, как лучше сказать. Чтобы по возможности внешне и заданным поведением от человека не отличались. Наталью ты сумел смоделировать? Вот примерно то же самое, но со свободой перемещения и способностью совершать полезную работу. Техническое задание я подготовлю. Да вот наша Ирина – разве не биоробот?

Воронцов давно уже искал способа как бы между прочим задать Антону вопрос об истинной сущности инопланетянки. И сейчас случай представился. Логика разговора сама собой подвела к нему. В то, что Ирина настоящая аггрианка, он отчего-то не верил с самого начала. Слишком вся она была земная. И в то же время иная, чем все.

Ни у нее самой, ни у Новикова он, разумеется, ни о чем подобном спросить не мог. А Антон наверняка должен был знать.

– Проницательный ты парень, а вот тут ошибся. Но не слишком. Она как раз человек. И даже в большей мере, чем ты сам.

– Это значит как?

– Лекцию тебе, что ли, прочитать? Вряд ли имеет смысл. А если вкратце, то дело обстоит так. Аггры в данном их воплощении – гуманоиды. Биологически почти стопроцентно вам идентичны. Но есть и отличия. В пропорциях тела, некоторых деталях физиологии и главное – психики. Тут они и от вас, и от меня довольно сильно отличаются. И те, кому предстоит пожизненно работать на Земле, с младенчества проходят курс биокоррекции. Все характеристики организма приводятся в идеальное соответствие с «базовой моделью». На субклеточном уровне. Внешность, само собой, тоже. Отчего, по-твоему, она такая красавица? Им-то вы, люди, кажетесь на самом деле уродами. Как нам с тобой пигмеи с Конго. Ну и наоборот, соответственно. Поэтому они берут сотню-две моделей, которые здесь считаются красавицами, и создают обобщенный образ. В случае с Ириной – современной русской женщины. Нужна англичанка – делают англичанку. Но вот здесь и кроется тонкость. Просчет это или расчет – не знаю точно. Они планируют создать типичную представительницу, а выходит суперзвезда. Почему – тебе понятно. То же касается и фигуры, и всех функций организма. И оптимальные для данного времени и референтных групп общества показатели: роста, длины ног, формы бедер, основных окружностей и прочего. А

стопроцентная оптимальность – это идеал. Так что сомневаться нечего – биологически ваша Ирина абсолютно идеальная русская женщина, по всем показателям. Андрей может быть доволен.

– Если бы он один… – почти неслышно вставил Воронцов.

– Я, сам понимаешь, возможностями создавать такие модели не обладаю.

– Мне этого и не требуется. Но раз ты можешь создавать достоверные фантомы и твоя здешняя техника умеет синтезировать белковые структуры – еду, выпивку эт цэтэра, то, совместив эти возможности… Мне даже не нужно, чтобы они были такими уж белковыми… Пусть будут металлоорганическими, резиновыми – мне все равно. Лишь бы они имели внешний облик матросов, нормально двигались, разговаривали и имели интеллект в объеме флотской учебки. На сем и закончим. Мое упрямство ты знаешь…

Антон хлопнул себя ладонью по колену.

– Да уж знаю! И если бы только упрямство. Давай так – ты представляешь полный проект корабля, и мы его сделаем. Что касается роботов… Это против всех законов и правил, но я обещаю подумать. Может, что-то и удастся. Но предупреждаю – даже если ты их получишь, они будут не более чем инвентарь твоего парохода. Подключенные к центральному компьютеру, жизнеспособные только в сфере его действия и функционирующие только в качестве матросов.

– И механиков, и штурманов, и стюардов… – продолжил Дмитрий.

– В общем, членов экипажа. С широкой специализацией. Но не более. Не хватало, чтобы, вернувшись к себе, ты их по всей Земле бесконтрольно применял…

– А тебе-то какое в принципе дело? Азимова начитался? Я тебе за день такой шпаны набрать могу, что они любым роботам сто очков вперед… Не мировое же господство я с их помощью собираюсь завоевывать, да и что такое любые роботы, десяток или два, супротив современной техники? Когда аггры у нас свои дела делали…

– Снова мы начинаем друг друга не понимать. Да делай ты сам по себе что хочешь, это твоя планета, и сам ты не ребенок. А вот у меня свои принципы. Ты, к примеру, можешь шестилетним пацанам гранаты раздать, чтобы они рыбки поглушили, раз захотелось? Пусть даже тебя никто не увидит и при любом исходе отвечать тебе не придется. Совесть или здравый смысл позволят?

Воронцов встал, стряхнул с белых брюк крошки табака, просыпавшегося при неоднократном набивании трубки.

– Все. Вопросов больше не имею. Считаем, что в основном договорились. Чертежи и прочее завтра будут. Благодарю за приятную и поучительную беседу. Насчет же моей совести и прочих принципов поговорим в следующий раз…

Глава вторая

…На следующий день Антон появился на общем завтраке, который, как и на Валгалле, соблюдался неукоснительно, являясь не только моментом приема пищи, но и средством поддержания социальных связей и внутренней дисциплины в их маленьком обществе. Достойно ответив на вопросы полушутливого блиц-интервью, вызванного как его неожиданной отлучкой, так и возвращением, он ничего по-настоящему существенного не сказал, будто действительно всего лишь захотел съесть свой салат и сосиски в компании приятных ему людей. А потом догнал в коридоре направляющегося в тир Шульгина и, не вспоминая о вчерашнем, будто бы просто так предложил совершить небольшую верховую прогулку. Сашка, уже все знавший о содержании беседы Воронцова с Антоном, согласился, слегка, впрочем, удивленный антуражем предстоящего разговора.

– И винтовки с собой прихвати, – добавил Антон, – глядишь, и постреляем заодно.

Забота Антона о своих гостях простиралась настолько, что он даже организовал для желающих небольшую конюшню с десятком отличных, пожалуй, мирового класса, лошадей, тренированных и для стипль-чеза, и для парфорсной охоты. А покататься в окрестностях Замка было где! Как раз Шульгин, особо томящийся постоянным бездельем, почти ежедневно покидал ограду Замка и отводил душу,

совершенствуясь в джигитовке, вольтижировке и «рубке лозы», компенсируя тем самым заброшенные в последнее время тренировки в прочих боевых искусствах.

Проскакав по залитой солнцем тропе между заросшими шиповником и боярышником холмами километров пять переменным аллюром, они остановили коней на пестрой от алых и голубых цветов лужайке и, не сговариваясь, спешились. Стреножив коней и пустив их пастись, они присели на траву в тени огромного раскидистого дуба.

Шульгин снял с предохранителя карабин, прислонил его к стволу дерева, чтоб был под рукой, – за пределами силовой защиты Замка начиналась натуральная доколумбова Америка, и встречи могли быть самые неожиданные, – неторопливо закурил и приготовился слушать, не выражая на лице ни малейшей заинтересованности. Вокруг было достаточно приятных для глаз объектов, чтобы полностью отдаться их созерцанию. Чего стоит только одна панорама пологих холмов, покрытых всеми оттенками красного, желтого, зеленого, с густо-синим небом над ними и грядой причудливых кучевых облаков на горизонте. «Индейское лето» в самом разгаре. И запахи из прерий ветерок приносит такие…

– Я знаю, Саша, что своим положением ты не очень-то доволен, – без приличествующих предисловий заговорил Антон. Шульгин впервые посмотрел ему в глаза с искренним недоумением.

– Не понял… – протянул он. – Как раз мое положение меня устраивает вполне. Ни на какое иное не претендую.

Он вообразил, что Антон имеет в виду его личный статус в здешнем обществе.

– Нет-нет, я не об этом, – догадался о смысле его ответа Антон. – Я хотел сказать совсем другое. Мы же с тобой оба мужики, в конце концов. Вот что я подразумеваю. Ты здесь практически один, без пары…

– Не один…

– Там другой случай. Берестин себя одним не ощущает, просто у него не получается, но объект-то есть… Рядом, на глазах. Он, между прочим, даже

находит в своем положении определенное, пусть и горькое, удовольствие. И не теряет надежды… Ты же воистину без вины виноватый. Хочешь, организуем доставку сюда твоей супруги?

Шульгин на мгновение представил, что из этого может получиться, и от полноты чувств прищелкнул языком.

– А, кстати, ты уверен, что она все еще в Кисловодске?

– Абсолютно. Август в Москве еще не закончился.

– Ну вот и пусть отдыхает. Она так радовалась, когда путевку достала…

Антон удовлетворенно кивнул, будто и не ожидал иного ответа.

– Тогда пойдем дальше. Есть у тебя на примете какая-нибудь особа, которую ты хотел бы здесь видеть? Скрасить, так сказать, одиночество.

– Если хорошенько подумать… А чего это ты так вдруг озаботился моими проблемами? – Шульгин внутренне напрягся. – Может, намекаешь, что командировка затягивается?

– Ну, так бы я это не формулировал… Некоторые затруднения возникли, не скрою, но ничего фатального. Скорее я позволил себе предположить, что вам самим еще не хочется немедленно возвращаться. Столько вокруг еще неизведанного… Неиспытанного, я бы добавил. Тем более то, что я тебе хочу предложить, как раз и должно поспособствовать решению многих ваших проблем… в будущем.

– Ты сам-то что-нибудь о том будущем знаешь? О том, где Андрей побывал? – попробовал поймать его на слове Шульгин.

– Абсолютно ничего. Оно… не по моей епархии. Содержание рассказа Новикова и некоторая способность к экстраполяции наводят на разные мысли, и не более… Но вернемся… Я заметил, что ты грустновато выглядишь… Временами… Особенно в окружении не обделенных женским вниманием друзей. – Сейчас Антон своей манерой выражаться очень напоминал Новикова, а может, и

специально его слегка пародировал. Но вторым планом Шульгин ощутил нечто куда более серьезное, чем забота о его сексуальных проблемах, и, чтобы перехватить инициативу, задал первый пришедший на ум вопрос.

– А может, обойдемся без походов к снаряду? Я уже в курсе некоторых твоих забот и как-то вчерашнее с сегодняшним связываю. Какую новую авантюру ты замыслил, брат по разуму, в которой требуется моя, и только моя персона? – В умении разгадывать психологические задачки Сашка мало уступал своему дипломированному другу, а моментами и превосходил, что Новиков и сам неоднократно признавал. Только обычно Шульгин в отличие от Андрея, а также и самого Холмса не раскрывал хода своей мысли и методики построения силлогизмов. Но сейчас решил выложить карты на стол.

– Поскольку, немного тебя зная, не допускаю с твоей стороны голого альтруизма, готов предположить, что тебе требуется человек достаточно свободный, не связанный нравственными обязательствами, да еще и соскучившийся по женской ласке. Плюс наделенный и еще рядом не слишком встречающихся качеств. Эрго – ты хочешь, чтобы я охмурил для твоих очередных штучек некую даму. Скорее всего – в нашем настоящем мире, ибо здесь некого, а по инопланетянкам я не спец. И в качестве награды получил то, что сумею или успею поиметь в процессе… Так, май диа френд? И попутно, не с этим ли заданием связана наша здесь задержка?

– Произношение у тебя ужасное, но это поправимо. А в остальном почти так. Прими мое искреннее восхищение, хотя ты в нем и не нуждаешься.

Тут он немного ошибся. В душе Шульгин был в меру тщеславен, и похвала привела его в приятное расположение духа, пусть и не такое, как в прошлый раз, когда ему удалось показать самоуверенному пришельцу, у кого из них реакция лучше.

– Ладно. Но у меня как в магазине – цены без запроса. Объяснишь, что ты задумал, будем разговаривать. Снова темнить начнешь – свободен… Еще раз на твои приколы ловиться не собираюсь. Хватит.

– Ну какие там приколы? Я уже говорил Дмитрию – все, что обещал, я сделал. И еще больше сделаю, в обиде не останетесь. А сейчас у меня совсем маленькая просьба. Для тебя на самом деле чистое развлечение. И скрывать я от тебя

ничего не собираюсь. Вам, землянам, от этого пользы больше, чем мне в итоге будет. Скоро сам поймешь…

Он не успел закончить фразу, потому что Шульгин вдруг, как пружина из автоматного рожка в руках неумелого солдата, взлетел, разгибаясь, подхватил стоявший на расстоянии вытянутой руки карабин и, выбросив его вперед, как клинок во флеш-атаке, трижды выстрелил в густое переплетение кустов по другую сторону поляны. И опустил ствол, прислушиваясь.

– Что такое? – Антон уже стоял рядом и тоже готов был открыть беглый огонь.

– Черт его знает, зашевелилось там что-то. Пойду посмотрю. А ты прикрывай в случае чего…

Пошуршав в кустах валежником, он вернулся, загоняя на ходу в обойму недостающие патроны.

– Показалось, наверное…

– Такой нервный стал? – участливо спросил Антон.

– Может, нервный, а может – предусмотрительный… – сплевывая табачную крошку с губы, ответил Сашка. На самом деле ему просто потребовалось немножко сбить Антона с настроения, чтобы легче было разговаривать.

– Так что ты там насчет нашей грядущей пользы?

– Ах да! Значит, я хотел сказать, что аггров в нашей реальности больше нет, ты это знаешь. Но на Земле осталась одна милая женщина. По внешним данным ничуть не уступает вашей Ирине. Зовут ее Сильвия. Моя коллега. Шеф-атташе аггров на планете Земля. В недавнем «прошлом» – ваш смертельный враг. Организатор акций против Ирины, Левашова и многого другого. У них вообще женщины занимают большинство такого рода руководящих постов… Встречался я с ней. Умна, красива, лет тридцати с небольшим по вашему счету. И тебе наверняка понравится. И теперь она очень одинока. Больше, чем Ирина. Ее цивилизация вдруг исчезла, как ничего и не было, а она осталась одна в чужом мире…

– Совсем одна?

– Ну, может, еще экземпляров с десяток на всю планету, но те ей не пара и не компания, простые исполнители, интеллект чуть выше табуретки. Да ты кое с кем из таких встречался. А подобных ей или Ирине, тем более мужского пола, скорее всего нет. Больше нет… В подготовке агентов класса «люкс» аггры довольно экономны. Та, к примеру, дама, что Новикова и Берестина на Валгалле вербовала, – просто фантом, скоординированный с их восприятием, а у Сильвии только сознание частично аггрическое. О чем она, впрочем, не догадывается. Они с Ириной о себе другого мнения, отчего и все душевные терзания…

– Ну а ты? – неожиданно вставил Шульгин.

– Я – совсем другое дело. Я истинный гуманоид, мне только кое-какие функции пришлось подкорректировать под вашу атмосферу и солнечный спектр, чтобы я от рахита и лейкозов не зачах… Так вот о Сильвии. Она сейчас, по моим расчетам, должна пребывать в сильно расстроенных чувствах, как бы еще руки на себя не наложила, чего не дай, конечно, бог. Потому что мне с ней очень и очень нужно побеседовать. По ряду причин сам я на Землю, в вашу реальность, выйти сейчас не могу, а тебя переправлю.

– Каким это образом? Нас всех домой отправить не можешь, а одного – пожалуйста?

– Долго все это, Саша, объяснять, и не уверен, что образования нам обоим хватит. Всех и окончательно – действительно пока не могу, а для тебя я квазипереход организую, по открытому лучу и с жутким расходом энергии. Максимум на двое суток. По здешнему, конечно, времени. Там чуть-чуть растянуть можно, но не слишком. За это время тебе нужно будет с ней познакомиться, как-то объяснить ситуацию и убедить прийти сюда, в Замок. Желательно добровольно. Потому что в ином случае шок может стать необратимым, и ни я, ни ты никакой пользы из нашего мероприятия не извлечем. Я же хотел, чтобы она после непродолжительной со мной беседы смогла вернуться к нормальной жизни, в идеале – стать членом вашей группы…

– Ну ты действительно альтруи-ист… – с долей иронии в голосе протянул Шульгин. – Такая забота о злейшем враге… Тогда уж вообще вернул бы ее на родину…

– Ты что, все никак не поймешь? Нет у нее никакой родины и никогда не было. Эти девочки действительно камикадзе с бензином в один конец. Вроде как Новиков в роли Сталина. Работают сколько могут, а потом… – Антон присвистнул и сделал руками движение от груди, будто отбросил что-то. – Если уж очень нужно – матрицу обратно отзывают, а нет – просто выключатель щелк, и все…

Шульгин невольно передернул плечами. Жуткие дела творятся на свете. Задал еще вопрос.

– А разве, когда аггры исчезли, матрица сама собой не отключилась?

– Нет. Именно потому, что она полностью автономна. Если бы аггры исчезли, когда Новиков в теле Сталина был, он бы там навсегда и остался. Так и Сильвия, и Ирина… Будь сюда аггрианин в своем натуральном физическом теле переброшен, изменение реальности его бы стерло, но дамы ваши в материальном смысле подлинные люди. Я Воронцову это вчера только объяснял.

– Допустим. Если и не убедил, то разъяснил правдоподобно. Теперь второе – какой тебе сейчас, после конца всего, в ней интерес? «Языков» после войны не ловят…

– Да кто ж тебе такое сказал? Как раз после войны самая работа и начинается. Полковой разведке «языки», тут ты прав, в мирное время без надобности. А главному командованию, контрразведке? Пораскинь мозгами. Вот и мне… Сколько всего интересного узнать можно: загадки неудачных операций, профессиональные секреты и методы, преломление наших акций в представлении противника, данные на их тайных союзников и невольных пособников… Золотое дно. Тем более что у меня некоторые неприятности намечаются, и Сильвия с Ириной весьма и весьма могут помочь из них выкрутиться. Все у нас, Саша, как у людей, с поправкой кое на какую специфику. Так договорились?

– А что мне теперь терять? И не таким занимались. Куда идти нужно?

– Не очень далеко. В Лондон. Ты по-английски как?

– Сам слышал…

– Не проблема. Я тебе пленочку прокручу, через два часа лучше Вебстера и профессора Хиггинса язык знать будешь. За два часа и на всю жизнь. Тоже польза. И остальное все объясню. Что сам про нее знаю. И если ты ее сюда приведешь, после короткой взаимополезной беседы со мной она свободна. Сможете принять ее в свою компанию. И не пожалеете…

– Ты Экзюпери читал? – внезапно перебил его Шульгин.

– Читал что-то. При чем он здесь?

– При том, что написал: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Ты, значит, ее выпотрошишь и повесишь отработанного «языка» мне на шею… И что дальше?

– Ну дальше… Если не понравится, можно ее обратно в Лондон вернуть. Снять матрицу и вернуть, пусть живет в рамках своей легенды. Она там, кстати, очень неплохо устроена. Вам и не снилось. А может, наоборот, она тебя так очарует, что с женой разведешься и сам в Лондон отправишься. Тут тебе полная свобода воли.

– Знаешь, Антон, не в обиду будь сказано, ты все-таки…

– Большая сволочь, хочешь сказать? Ну и скажи, не обижусь. Работа у меня такая, да и шкурный интерес. Как монах Варлам говорил: «Коль дело до петли-то доходит…» И ведь при всем при том я никого не неволю. Они, аггры то есть, честно признать, к вам таких благородных чувств не испытывали. А вы… Откуда столько «гуманизма» при ваших условиях жизни? Ладно, ладно, не заводись. Сам у вас пожил, знаю и понимаю. И ничего плохого в моем предложении нет, поразмысли только спокойно. Человека спасете, мне поможете, да и другие возможные последствия… Аггров уже нет, а они – Сильвия с помощниками – есть, и вдруг будут, как тот партизан, еще двадцать лет поезда взрывать? А?

Шульгин встал.

– Ладно, пока обратно ехать будем – подумаю. А как Ирина к ее появлению отнесется?

– Вот чего не знаю… Да и в чем проблема? Лично они незнакомы, хотя Сильвия о ней все, что положено, знает. Но когда мы с нее функцию снимем, глядишь, и подругами станут. Все-таки, как ни крути, коллеги и землячки в некотором роде.

– Ну-ну, – с остатком сомнения в голосе сказал Шульгин универсальную, когда нечего больше сказать, формулу. Раздавил каблуком окурок сигары, закинул за плечо ремень карабина. И, уже вставив ногу в стремя, спросил:

– А она действительно такая же, как Ирка, красавица?

– В другом несколько роде, но до невероятности интересная дама.

Шульгин кивнул, резким толчком бросил тело в седло, громко свистнул и с места послал коня в крупный галоп.

…Шульгин никогда не позволял никому догадаться, что он плохо разбирался в женщинах и даже опасался их. Он считал их существами, настолько от себя отличными, что искренне удивлялся, когда обнаруживал у них мысли и реакции, подобные своим собственным. Отчего и отношения с прекрасным полом строил, исходя из представлений, не слишком соответствующих реальности.

И, увы, ошибался гораздо чаще, чем натуры менее утонченные. Его женитьба, удивившая всех друзей явной бессмысленностью, тоже случилась вследствие психологического просчета, которым тогдашняя случайная подруга безошибочно воспользовалась и превратила в свой стратегический успех.

И вот сейчас, после неожиданного предложения Антона, Шульгин ощутил возможность реванша. Вооруженный опытом последнего года и близкого знакомства с женщинами разных веков и рас, он решил, что сумеет провести эту сексуально-дипломатическую партию с должным блеском и докажет всем, а прежде всего себе, что умеет не только стрелять от бедра и протыкать пальцем подвешенный на нитке лист фанеры.

К подготовке он подошел со всей необходимой тщательностью, усвоил и переработал полученную от Антона информацию. И очень быстро заподозрил форзейля в лицемерии. Прежде всего выходило, что в разговоре Антон явно и непонятно зачем приуменьшил исходящую от Сильвии опасность. И для себя лично в ходе операции, и для всей Земли в целом. С ее техническими

возможностями и психологическим состоянием она способна наделать бед куда больше, чем непримиримые самураи, продолжавшие в дебрях тропических островов мировую войну через двадцать лет после капитуляции. Не планирует ли Антон перевербовать резидентшу аггров и заставить ее работать на себя? Но в каком направлении и в каком качестве? Ведь Шульгин по-прежнему не имел понятия о раскладе галактических сил и высшем смысле драки за контроль над Землей. Вполне ведь можно предположить, что картина войны на самом деле выглядит совсем иначе. А по некоторым намекам не исключено, что Антон подумывает о чем-то похожем на внутренний конфликт среди своих соотечественников. То ли борьба за власть, то ли…

Но, несмотря на все сомнения, отказываться он не собирался. Слишком ему надоела нынешняя бесцельная жизнь. Ему ведь по-настоящему не удалось поучаствовать ни в чем серьезном. За исключением последнего рейса на базу пришельцев. А все действительно увлекательные приключения прошли мимо. И насчет женщин Антон тоже угадал.

Полгода строгого воздержания кого хочешь выведут из равновесия, особенно когда рядом друзья еженощно уединяются с подругами, при взгляде на которых чувствуешь то, что и пацан, украдкой листающий «Пентхаус».

Конечно, занятия спортом, стрельбой и стипль-чезом отвлекают, но весьма и весьма недостаточно. Отчего и попивать по вечерам Сашка стал как бы чрезмерно…

С полученным заданием Шульгин познакомил только Андрея. Не скрывая посетивших его сомнений. Новиков поусмехался каким-то собственным мыслям, сказал, что придерживается того же мнения, и спросил, каким же образом Сашка намеревается Антона переиграть?

– Честно говоря, хрен его знает! Но ведь до сих пор мы их переигрывали? На вдохновении… С этим у них слабовато.

– Да как тебе сказать… У меня нет ощущения, что мы Антона переиграли. Сам посуди…

– Ну а чего? Пока что я ощущаю себя в выигрыше. Кем мы были и что имели год назад? И что теперь? А не потеряли пока ничего…

– Это в рамках нам известного. А на самом деле?

– На самом деле… Может, если б я на четвертом курсе согласился, чтобы Ленка Кораблева в постель меня затащила, сейчас был бы доктором наук и зятем завотдела ЦК, вот и скажи, проиграл я или выиграл?

– На этом уровне рассуждать, так, конечно… Ну а в целом мы уже столько наворотили, что хуже вряд ли будет. Если только головы при нас останутся. Давай попробуй себя и в такой еще роли, может, и будет какая польза, хотя бы лично для тебя…

Шульгин удивился плохо скрываемому Андреем безразличию к проблеме, представлявшейся ему самому важной. Но отнес его к общей апатии, охватившей друзей в последнее время. Сам же он испытывал сейчас все нарастающее приятное воодушевление, как перед интересным, к примеру, путешествием в дальние страны. Тем более что и на самом деле в Лондоне он никогда не был, и образ загадочной аггрианки рисовался в мрачно-романтических тонах…

…Лондон Шульгин благодаря введенной прямо в мозг информации знал теперь великолепно, видел его весь сразу, как на подробном многокрасочном макете, только, выходя на знакомую улицу, в первый момент удивлялся, что на проезжей части не написано большими буквами название. Следуя своему собственному, слегка отличающемуся от согласованного с Антоном плану, он первым делом направился в Сохо, где снял номер в пользующемся сомнительной славой отеле, приюте сутенеров, шлюх обоего пола и не вполне законных иммигрантов.

Для чего специально три дня не брился и был соответственно одет.

И лишь потом, сделав все, что входило в первый этап «увертюры», переоделся согласно легенде, тщательно привел в порядок свою внешность и вышел в грязноватый, с пузырями краски и штукатурки на стенах коридор. Редкие в тот час постояльцы провожали его удивленными взглядами. Портье его, похоже, не узнал, только шумно вдохнул широкими ноздрями распространяемый Сашкой тонкий аромат элегантных мужских духов. Пристально посмотрел вслед безупречно одетому джентльмену и подумал, что сам на его месте никогда бы не стал таскаться к здешним занюханным девкам. Или к не менее занюханным геям.

…Сильвия жила в центре чуть ли не самого аристократического в Лондоне района, во внешне неприметном двухэтажном доме с фасадом в четыре окна. Обойдя квартал по периметру, вжившись в обстановку, присмотревшись, как ведут себя аборигены этого зеленого и тихого островка покоя и благополучия в центре необъятного и шумного города, вообще освоившись в капиталистической реальности, Шульгин позвонил у окрашенной шоколадной краской и покрытой сверху лаком двери. В соседней витрине он с удовольствием еще раз осмотрел свое отражение – весьма приличного молодого джентльмена, не могущего не внушить симпатии и доверия. Правда, какой-нибудь последователь Шерлока Холмса без труда опознал бы в нем совсем недавно прибывшего из стран Содружества представителя тамошнего европейского истеблишмента, ибо до коренного англичанина Сашка все-таки недотягивал… Но от среднестатистического лондонца все же отличался в лучшую сторону.

Мелодичный женский голос из прикрытого бронзовой решеткой динамика слегка игриво, как показалось Шульгину, произнес «Хелло?», и он назвал себя и сообщил, что желал бы видеть мисс Сильвию по важному делу.

Голос с некоторым недоумением повторил его фамилию, но через пару секунд предложил войти. Дверь бесшумно приоткрылась.

Хозяйка встретила гостя на верхних ступеньках широкой дубовой лестницы. Увидев ее, Шульгин понял, насколько был прав Антон. Совсем в другом стиле, чем Ирина, аггрианка была тем не менее поразительно хороша собой. И удивительно при этом Ирину напоминала. Не чертами лица, а гармонией облика и степенью приближения к идеалу. Даже трудно представить, что моделью для нее служили те англичанки, которых он видел сегодня на улицах. Чуть холодновата, конечно, на славянский вкус… Но изысканнее в то же время, аристократичнее, рафинированнее…

Шульгин перебирал в уме эпитеты, чтобы поточнее определить свое первое от этой дамы впечатление и соответственно сымпровизировать начало разговора. Но главное он уже знал – чтобы соблазнить, или, оставаясь на ее уровне, лучше сказать – покорить сию представительницу уже не существующей враждебной расы, он заранее готов сделать все возможное. И невозможное тоже. Если от этого пострадают интересы или планы Антона – тем хуже для него. С такой тигрицей сразиться – это вам не лаборантку охмурить на вечер-другой…

Кстати, вот это – с лаборантками – у него получалось, хотя каждый раз он несколько наивно про себя удивлялся, вновь убеждаясь, что весьма приличным на вид девушкам, оказывается, на самом деле нравится то, чем они с ним занимались. Он же в глубине души оставался почти непоколебимо убежден, что если они и уступают его домогательствам, то либо просто из вежливости, либо преследуя свои, неизвестные ему интересы, но сам процесс никак не должен бы являться для них самоцелью.

И это при его медицинском образовании… Наверное, тут виноваты какие-то фрейдистские мотивы или ненароком залетевший из прошлого века псевдоромантизм.

Но, конечно, именно в данный момент Шульгин ничего такого не думал, прекрасно сознавая, что перед ним в коротком ржаво-коричневом платье-свитере, подчеркивающем все подробности ее фигуры и открывающем пусть и тонковатые при ее росте, но крайне волнующие ноги, стоит и дежурно улыбается не просто привлекательная женщина, а весьма опасное и хитрое существо, много лет руководившее целой сетью коварных и безжалостных инопланетян, для которой отдать приказ о его уничтожении не составит ни малейшей проблемы, разве только ей захочется расправиться с ним лично… Особенно сейчас, в ее нынешнем отчаянном положении.

Только и об этом тоже нужно забыть, чтобы невзначай раньше времени не выдать себя и не спровоцировать эту «черную вдову» на непоправимые действия. Вот именно, «черная вдова» – отличный образ, самка-паучиха, пожирающая своих не успевших вовремя убежать партнеров.

И, улыбнувшись в ответ на ее улыбку, Шульгин чуть наклонил голову, представился, назвав себя старым, еще в школьные годы придуманным для игр и мистификаций английским именем.

Сильвия на мгновение наморщила лоб, пытаясь вспомнить, говорит ли ей что-нибудь это имя, но, вздохнув, с сожалением пожала плечами. Не знаю, мол, и никогда не слышала. И сделала три шага по лестнице вниз, чтобы запереть за гостем дверь, если он не скажет чего-нибудь более существенного в оправдание неназначенного визита.

Тогда он, как и было согласовано с Антоном, сообщил, что ее имя и адрес назвал ему в Веллингтоне сэр Говард Грин и порекомендовал обратиться к ней, когда это действительно станет необходимым.

Тут Шульгин рисковал, потому что стоило Сильвии заявить, что и сэра Говарда она знать не знает, пришлось бы откланиваться… И вводить в действие свой совсем уже авантюрный план.

Расчет у них с Антоном был на то, что сама Сильвия тоже находится в критическом положении и не захочет обрывать чуть ли не последнюю нить, связывающую ее с «родиной». Потому что указанный сэр являлся, подобно Ирине, агентом-координатором по Южному полушарию и, как догадывался Шульгин, каким-то образом был выведен из игры самим Антоном или его людьми. Кстати, он, то есть Антон, так и не признался, имеет ли он такую же сеть агентуры, как аггры, или работает в одиночку. Возможно даже, что сэр Говард был устранен специально, чтобы создать Шульгину условия для контакта.

По существовавшим у аггров правилам никто из агентов не имел права по собственной инициативе связываться с главным резидентом, а уж тем более выводить на него землянина. Ирина, к примеру, даже Новикову ни разу не сказала ничего проливающего свет на структуру своей организации и систему подчиненности в ней.

Лицо Сильвии на миг отразило тень происшедшей в ней душевной борьбы. Заметив это, Шульгин удивился. Вроде бы разведчики ее уровня должны лучше владеть собой.

Приняв наконец какое-то решение, аггрианка сделала приглашающий жест и пошла в глубь дома, предоставив Шульгину следовать за собой и любоваться ее отработанной на паркетах салонов походкой.

В холле, выходящем сплошь застекленной стеной во внутренний дворик, украшенный скульптурами, фонтаном и разнообразной растительностью, она указала на пухлые, словно надутые воздухом, темно-зеленые кожаные кресла.

«Не повезло Ирине, – подумал Шульгин, – в капстранах вон как агентов устраивают, а у нашей – то общежитие, то двухкомнатная в старом фонде…»

– По-моему, я встречалась с сэром Говардом. Только не в Веллингтоне, а, кажется, в Нью-Йорке. И довольно давно. Я не совсем понимаю, чем смогу вам помочь, но раз уж вы пришли… Наверное, у вас действительно есть на то веские причины.

Шульгин с чувством облегчения вытянулся в кресле. Самое главное сделано – она не выгнала его с порога.

Садясь напротив, Сильвия попыталась натянуть пониже свое, условно говоря, платье. И этот жест, долженствующий изобразить как бы скромность, на самом деле лишь привлек дополнительное внимание, поскольку заставил задуматься, а колготки у нее там или просто очень длинные чулки? Ничего другого ее свитер скрыть все равно не мог. Да и скрывать такую красоту не стоит, подумал судорожно сглотнувший слюну Сашка.

Сильвия считала так же. Поэтому ограничилась тем, что плотно сдвинула колени. Потом поправила зачесанную назад и направо прядь темно-русых волос, сплела на колене тонкие пальцы с двумя изысканными перстнями явно старинной работы.

– Так я вас слушаю…

Судя по большой настольной пепельнице, курить здесь разрешалось, и Шульгин, достав золотой, очень похожий на тот, что был у Ирины, портсигар, вопросительно взглянул на собеседницу.

– Да, пожалуйста, – и когда он взял сигарету, протянула руку.

– Вы позволите взглянуть? Довольно красивая вещь…

Одного прикосновения ей было достаточно, чтобы потерять к этой имитации интерес. Впрочем, портсигар и был сделан так, чтобы только отдаленно напоминать оригинал, отнюдь не создавая впечатления сознательной подделки. Однако желаемый эффект был достигнут.

– Откуда это у вас? Я уже видела точно такой же… У одного знакомого.

– Может быть, как раз у Говарда? Он с ним никогда не расставался. Мне понравилось, знаете, такой элегантный штрих… Увидел в Каире похожий и купил.

– Вы с ним были достаточно близки?

Шульгин усмехнулся.

– Вопрос звучит несколько двусмысленно. Боюсь, что придется ответить – нет. В любом смысле. Мы были всего лишь достаточно хорошо знакомы. Признаюсь – во многом я брал с него пример. Я люблю викторианскую Англию, а он как раз был словно ее живым воплощением, причем ему удавалось при этом не выглядеть анахронизмом. Иногда я выполнял кое-какие его просьбы. И он мне тоже помогал при случае. Незадолго до своей смерти он выглядел встревоженным, словно его постоянно терзали мрачные мысли и предчувствия. Я кое-что подозревал, не скрою. Род его занятий наводил подчас на странные мысли… А за неделю, кажется, до смерти он назвал мне ваше имя, адрес и попросил сообщить вам, если с ним случится нечто… неожиданное. И, если мне потребуется, я могу рассчитывать на вашу помощь…

– Как он умер? – резко спросила Сильвия.

– Автомобильная катастрофа. Довольно нелепо, но даже в Новой Зеландии такие вещи иногда случаются. Его «Роллс-Ройс» – они любил выезжать на «Роллс-Ройсе» – потерял управление и столкнулся со встречным трейлером. Погибли и он, и его шофер.

– Когда это случилось?

– Скоро будет месяц. 17 июля. Завещания он не оставил. Похоронен в Веллингтоне. Координаты могилы у меня есть…

Сильвия с минуту сидела молча, перебирая сплетенными в замок пальцами.

«Даже не пытается остаться в образе… – подумал Шульгин. – Только что ведь говорила, что едва помнит этого Говарда…»

– Ну что же, – словно отвечая на его мысль, сказала женщина. – Не буду скрывать, сэр Говард был моим хорошим другом, хотя мы с ним довольно давно не встречались. Я огорчена этой нелепой смертью и, надеюсь, вы понимаете, хотела бы услышать о его последних днях как можно больше. Не скрывайте – он говорил вам обо мне что-нибудь, кроме имени и адреса?

Шульгин подавил в себе желание блеснуть информированностью и подать кое-что известное от Антона как слова покойника, но благоразумно сдержался.

– Сожалею, но не могу удовлетворить ваш вполне понятный интерес. Ничего, кроме уже сказанного, я от него не слышал. Но… упоминая вас, он говорил с большим… как бы это лучше назвать – уважением или, может быть, даже почтением. В любом случае я понял, что он был более чем прав. Мы с вами знакомы едва полчаса, а я уже готов благодарить судьбу, что позволила мне увидеть вас. Пусть и по такому… печальному поводу. Впрочем, что мы знаем о судьбе и используемых ею методах?

После многозначительного пассажа Шульгин слегка пригорюнился, не прекращая, впрочем, деликатно скользить глазами по ее ногам, от щиколоток до обреза платья и обратно. В глаза же смотреть избегал.

– Выпьете что-нибудь? – спросила Сильвия, прерывая паузу.

Умение использовать паузы для воздействия на партнера Шульгин перенял у Новикова и значительно усовершенствовал применительно к собственному характеру и манерам.

– С удовольствием. У меня был трудный день…

Присутствия слуг в доме не ощущалось. Может, вообще, а может, именно сейчас, и Сильвия сама прикатила столик с напитками и символической закуской.

Подумав, Шульгин выбрал «Джонни Уокер», причем словно невзначай плеснул виски больше чем полстакана. Огорчился, чуть ли не попытался вылить его обратно, потом, как бы смирившись с неизбежным, добавил содовой и добавлял так аккуратно, что сохранил благородный напиток в почти исходной концентрации. Сильвия ограничилась небольшой порцией розового джина.

– Так чем же ваш день был так труден? – спросила она, когда Шульгин сделал два хороших глотка. Его манипуляции она, конечно, заметила, только вот какие выводы сделала? Он хотел, чтобы она увидела в нем человека деликатного, застенчивого, сильно нервничающего, нуждающегося в разрядке, но беспокоящегося, как бы его не сочли алкоголиком.

– Можно откровенно? Я опасался, что смерть сэра Говарда действительно не случайна, что за мной могли следить и по дороге к вашему дому меня ждет ловушка…

– Вот даже как? Интересно. И что же заставило вас так думать?

Шульгин совсем засмущался. Он покусывал губу, вздыхал, не зная, как подойти к столь щекотливому предмету.

– Да вы не стесняйтесь, – подбодрила его Сильвия. – Говорите прямо. Или, если вам будет проще, – расскажите сначала о себе. Как вы познакомились, что вас объединяло, о чем беседовали и о всех своих… подозрениях тоже. Тогда нам легче будет разобраться и во всем остальном.

Шульгин посмотрел на нее с сомнением. Впервые – прямо в глаза. И на мгновение позволил своему взгляду стать достаточно жестким. Мол, не такой уж я простак, дорогая, и еще неизвестно, стоит ли тебе говорить всю правду. Гарантии-то где, что тебе самой можно полностью доверять?

У них с Антоном была разработана достаточно подробная легенда, базирующаяся на подлинных фактах жизни и деятельности означенного мистера Грина, в меру достоверная и в то же время не настолько конкретная, чтобы дать возможность поймать себя на противоречиях и деталях. Правда, здесь Шульгину пришлось полностью положиться на Антона, сам он, разумеется, не располагал не только информацией о делах сэра Говарда и ему подобных, но и о реальной жизни западного человека вообще. За исключением того, что можно увидеть в кино или прочесть в переводных романах. Впрочем, навыки и формы поведения своего прототипа Шульгин получил вместе со знанием языка, а на умение Антона моделировать личности можно было рассчитывать, имея в виду хотя бы создание фантома Наташи.

Итак, согласившись с предложением Сильвии, Шульгин достаточно сжато обрисовал картину своих деловых и личных отношений с Грином, начиная от случайного знакомства в Сиднее и до его печального конца. Эти полтора года включали в себя встречи за карточным столом и на поле для гольфа, обеды и ужины в клубе, а также ряд совместных деловых мероприятий, принесших Шульгину, то есть Ричарду Мэллони, не только чувство удовлетворения от приобщения к новой привлекательной жизни, но и ощутимый финансовый успех.

Но как раз эту сторону их взаимоотношений Шульгин постарался изложить наименее внятно, и только после настоятельных, с нажимом расспросов Сильвии ему пришлось признать, что занимались они делами, чересчур глубоко вторгавшимися в сферу не только налогового и гражданского, но подчас и уголовного права. Еще более резко поставив вопрос, Сильвия узнала наконец, что, по мнению мистера Мэллони, занимался сэр Говард в основном шантажом, противозаконным лоббизмом, контрабандой оружия и наркотиками…

Когда слово было произнесено, Сильвия не только не ужаснулась, а даже повеселела.

– Что ж, как бы там ни было, сэр Говард в полной мере искупил свою вину, если она действительно была, а мертвый человек не подсуден никому, кроме Господа… А вот лично вы в чем увидели для себя опасность, раз так поспешно покинули страну и, «рискуя оказаться в ловушке», появились здесь?

– Я же сказал, что почувствовал вокруг себя не слишком приятную атмосферу, стал замечать каких-то подозрительных людей, изменение отношения со стороны лиц, ранее вполне лояльных, с которыми имел деловые контакты. Это трудно объяснить тому, кто сам не попадал в похожую ситуацию, но знающий поймет и без слов.

– Так, допустим. Вам показалось, что лица, устранившие Говарда, обратили внимание на вас. Зачем, как вы считаете?

– Но это же очевидно. Многим известно, что я был его… ну, не доверенным лицом в полном смысле, а достаточно близким сотрудником. Если произошло нечто, повлекшее ликвидацию патрона, то по отношению к себе я мог ждать двух исходов – или некие силы сочтут меня также достойным устранения, или…

– Что – «или»? – подалась вперед Сильвия, фиксируя взгляд на переносице Шульгина.

– Или я попал в поле зрения полиции, которой стало известно о роде нашей деятельности…

Сильвия с видимым облегчением откинулась в кресле. Очевидно, она ожидала услышать нечто иное, гораздо более неприятное для себя.

– Даже если так… При чем тут я и для чего вы здесь?

– Раз у нас пошел столь откровенный разговор, не буду скрывать, меня привела к вам забота о собственной безопасности… и дальнейшей жизни, скажем так. Замечу, сэр Говард вполне определенно дал мне понять, что с вашей стороны я могу рассчитывать на помощь. Думаю, я сделал для вас, – он подчеркнул последнее слово, – достаточно, чтобы ждать достойной компенсации за прошлое, помощи в настоящем и надеяться на спокойное будущее.

Сильвия рассмеялась, на взгляд Шульгина, слишком резко для элегантной женщины. Он вообще с какого-то момента их разговора начал подмечать в ней черточки, портящие первоначальное впечатление.

Если Ирина (он невольно постоянно их сравнивал как представительниц одной расы и профессии) в любой обстановке выглядела неизменно женственной, ровно благожелательной, покоряла своим тонким шармом, то Сильвия чем дальше, тем больше напоминала ему пресловутую премьершу Тэтчер. И вдобавок его нервировала направленность разговора. Он никак не мог перехватить инициативу и подойти к моменту, когда следовало использовать первую из домашних заготовок дебюта. Продолжая шахматные аналогии, он оказался в положении гроссмейстера, противник которого достаточно дурацкими ходами уклоняется от общепринятых у специалистов розыгрышей и создает на доске утомительно-бессмысленную ситуацию. Поскольку никак не удается понять: то ли партнер дилетант и от растерянности двигает фигуры просто так, то ли имеет чересчур хитрый и далеко идущий замысел.

– Неужели вы вообразили меня этакой «крестной матерью» международного преступного синдиката, которая вдобавок обязана заботиться о будущем каждого… – Она едва не произнесла ожидаемое Шульгиным слово, но, вздохнув,

закончила нейтрально: – Каждого, кому вздумается этого потребовать…

Вот тут она все же подставилась. И Шульгин с простодушной, почти естественной улыбкой произнес, предварительно плеснув себе еще виски и закурив новую сигарету:

– Ну зачем же вы так? Я ничего подобного не говорил. А вот Говард, очевидно, предусмотрев в случае нашей встречи подобную недоверчивость, попросил меня сказать вам вот что… – И он медленно, как говорят заученное, но непонятное, произнес фразу на аггрианском, которая, по словам Антона, должна была прозвучать паролем.

И ожидаемого эффекта достиг. С минуту Сильвия смотрела на него молча, только еще туже сплела пальцы на колене. А левое веко у нее чуть заметно задергалось.

Когда Шульгин спросил у Антона, что эта фраза значит, тот ответил:

– А зачем тебе знать? Твой Ричард же не знает. Вдруг ты сказал «Немедленно убей этого человека»? Или нечто похожее. Ты должен испытывать неуверенность, может, даже страх, и надежду в то же время. Сыграть будет трудно, а так само собой получится.

И хотя страха Шульгин не испытывал, поскольку не допускал, что Антон решил от него избавиться столь сложным способом, все остальные чувства присутствовали.

Взяв себя в руки, Сильвия сказала с облегчением:

– Да, пожалуй, это меняет дело. Вы знаете язык, на котором сейчас говорили?

– Понятия не имею. Отдаленно напоминает маорийский. По звучанию.

– Хорошо. Сэр Говард… уже, можно сказать, оттуда, – Сильвия на мгновение подняла глаза вверх, – передал, что вам действительно можно доверять и вы можете быть полезны. Из уважения к его памяти я вам помогу. Что вы хотите?

– Вы, наверное, удивитесь, но – покоя. Я бы хотел иметь возможность скрыться туда, где меня никто не найдет, и при этом вести вполне обеспеченную жизнь.

– И не иметь дело со мной и мне подобными? – с милой улыбкой осведомилась Сильвия.

– Как раз с вами я был бы рад иметь дело… но только с вами. Сознавая, насколько это маловероятно, я готов ограничиться реально достижимым. Например, сумму в пять миллионов вы сочли бы разумной?

– Миллионов долларов? – без удивления, просто уточняя, спросила она.

– Я патриот своей исторической родины и предпочел бы фунты.

– Еще один вопрос – почему такая конкретная сумма?

– Нет ничего проще. Я примерно определил срок своей жизни в семьдесят пять лет, суммировал свой заработок и пенсию за оставшиеся мне годы и ввел коэффициент, учитывающий моральный ущерб, темпы возможной инфляции и то, что мне остался должен сэр Говард. Сумма вышла даже чуть больше, но я не скряга. Пять миллионов достаточно…

Сильвия снова рассмеялась. И смеялась довольно долго. Перестав, поднялась с кресла, тем же заученным жестом вновь одернула платье, подошла к окну. Стала так, что свет закатного солнца, проходя сквозь петли вязки, отчетливо обрисовал фигуру и оживил у Шульгина слегка угасший во время трудной беседы интерес к ее телу.

– Вы знаете, наверное, это можно устроить. Только мне надо кое с кем посоветоваться. Честно говоря, жаль так рано отпускать на покой человека, сумевшего заслужить доверие и расположение Говарда. Если бы вы согласились… Сумма компенсации может значительно возрасти.

– Боюсь показаться неучтивым, но повторю. Если не очень расстрою вас своей настойчивостью и не вызову слишком большого неудовольствия – а неудовольствие со стороны такой женщины, как вы, было бы для меня убийственным (при этом каламбуре губы у Сильвии чуть дрогнули), – я все же

предпочел бы ограничиться уже названной суммой… – Шульгин помолчал ровно столько, сколько счел нужным, и добавил совсем другим тоном: – Я действительно смертельно устал.

Сильвия вздохнула сочувственно. И спросила тоже очень мягко, как бы между прочим:

– Да, а вы ведь так и не сказали мне, какова ваша основная профессия.

И Шульгин ответил ей в тон:

– Я был офицером контрразведки.

Вопреки ожиданию, его признание не вызвало никакой видимой реакции. Женщина слегка кивнула головой, принимая информацию к сведению, и предложила, если Ричард не против, поужинать сегодня в обществе ее друзей в одном вполне респектабельном заведении. Шульгин принял предложение с видом человека, которому некуда деваться. Но взятая им на себя роль требовала кое-чего еще. В конце концов его коллега Джеймс Бонд, будучи вполне джентльменом, позволял себе в отношении дам весьма большие вольности. К тому же он вспомнил решительный поступок некоего Разумовского, сделавший его графом и фаворитом императрицы, и положил ладонь на талию аггрианки. Сильвия чуть вздрогнула, как ему показалось, но позы не изменила и даже не повернула головы.

Расстояние от талии до края платья оказалось слишком коротким. Ощутив шершавую фактуру обтягивающего бедро материала (он не знал названия этой ранее не попадавшейся ему синтетики, а может, и натуральной ткани типа тонкого парашютного шелка), Шульгин решил особенно не мешкать, развивая успех, прикоснулся губами к тонко пахнущей цветочными духами шее и продвинул руку вверх по плавному изгибу. Успел убедиться, что надеты на Сильвии все же не колготки, а длинные чулки на резинке. Воображение уже рисовало дальнейшее, но – увы…

Аггрианка небрежным движением руки, словно отстраняя задевшую за платье ветку, убрала ладонь Шульгина с завоеванного им плацдарма и, повернув голову, с прищуром посмотрела из-под изогнутых ресниц.

– Боюсь, что вы торопитесь… Впрочем, я вас не осуждаю. Пожалуй, женщина, одетая подобным образом, должна ожидать соответствующей реакции.

Она отодвинулась на шаг, не спеша поправила платье, еще раз смерила Шульгина взглядом.

– Я не очень хорошо знаю психологию мужчин. Что, действительно невозможно удержаться?

«Психологию она не знает, стерва! – мысленно возмутился Шульгин. – А какого ж хрена вырядилась?..» – и ответил с виноватой улыбкой:

– Обо всех говорить не буду, а что касается меня… Сами все видите. Я рад, что не обидел вас своим, согласен, несколько дерзким поведением…

– Хорошо, оставим пока эту тему… – Из ее слов следовало, что решительного отказа в своих притязаниях он не получил и в дальнейшем может рассчитывать на больший успех.

…План, разработанный Антоном, начал, кажется, претворяться в жизнь. Он и заключался в том, чтобы настолько заинтриговать Сильвию и, по возможности, добиться ее благосклонности, чтобы в течение отведенного на операцию времени оставаться рядом с ней или в крайнем случае обеспечить новое свидание наедине в момент, когда откроется проход в Замок.

Чтобы пригласить ее туда – в идеале добровольно, но можно и с применением силы. Специфическая форзейлианская этика не позволяла, видите ли, Антону самому применять насилие, даже и к неприятельскому солдату, каковым с точки зрения известных конвенций являлась аггрианка. А вот убедить землянина сделать это, причем опять же добровольно, нравственность ему разрешала.

Шульгин мог бы выполнить боевую задачу прямо сейчас – не затрудняя себя дальнейшими ухищрениями, – Антон снабдил его переходником мгновенного действия, который раньше уже испытал в деле Воронцов, но по некоторым причинам воспользоваться им Шульгин не имел возможности. И, с тоской взглянув на часы, он подумал, что тянуть волынку еще целых семнадцать часов. До первого контрольного срока.

Правда, если не совершить грубой ошибки или не вмешаются непредвиденные обстоятельства, это время можно провести с пользой и удовольствием. А за переходником, если все пойдет нормально, можно и отлучиться на часок.

Пока Сильвия готовилась к вечеру, предоставленный самому себе Шульгин принялся бродить по дому, по той его части, которая открыта для посторонних. Скоро он понял, что, вернувшись к нормальной жизни, хотел бы поселиться в таком же. Прежде всего изнутри он был гораздо больше, чем казался с улицы. Т-образной формы, вытянутый в глубину обширного парка, со всех сторон окруженного высоким забором и глухими стенами соседних зданий, этот дом стоял здесь не одно столетие и на протяжении веков не раз достраивался и перестраивался.

Многочисленные коридоры и коридорчики, прямые и винтовые лестницы соединяли холлы, каминные залы, картинную галерею, библиотеку и другие помещения, не имеющие выраженной специализации, в сложный, разветвленный и запутанный лабиринт, создающий уважающему себя англичанину ощущение защищенности, комфорта и связи с теряющейся во временах норманнского вторжения вереницей почтенных предков.

Масса произведений искусства со всех концов некогда великой империи: африканские щиты и копья, индийские сабли, бронзовые и нефритовые статуэтки из Китая, персидские и афганские ковры, причудливые раковины южных морей. Память о грандиозных сафари колониальных майоров и полковников – головы антилоп, бегемотов и носорогов, шкуры тигров и леопардов на полу и обшитых темным деревом стенах. Неподвижный воздух полутемных зашторенных комнат – как сложная композиция парфюмера, составленная из запахов старого дуба, тика, красного и эбенового деревьев, воска, столетиями втираемого в узорный паркет, индийских курительных палочек, кожи кресел и диванов, переплетов старых книг и, наверное, духов и благовоний тех дам, что шелестели здесь шелками, муслинами и парчой своих туалетов. Как звуковое дополнение – частые перезвоны идущих вразброд, потерявших свое время часов, настенных, каминных и напольных…

Не дом, а миниатюрная копия музея принца Уэльского. У Шульгина сложилось впечатление, что дом Сильвии – не архитектурное сооружение со специально придуманным и оформленным интерьером, а словно бы живой, растущий и развивающийся в пространстве и времени организм. И его помещения – как годовые кольца. Вот здесь, ближе к сердцевине дома, семнадцатый век. В

восемнадцатом прибавились эти комнаты, в них и мебель другая, и форма оконных переплетов, к ним примыкает девятнадцатый, викторианский век, а самые близкие к парадному входу комнаты оформлены современно – мебель, картины сюрреалистов, японский музыкальный центр, видеоаппаратура, модерновые телефоны и россыпь американских журналов на столике в холле.

Переходя из помещения в помещение, Шульгин старался лучше понять характер хозяйки и, к своему удивлению, не замечал ничего, что говорило бы о «низменных» чертах ее натуры. Скорее наоборот. А чего он, собственно, ждал? Надеялся увидеть орудия пыток, расчлененные трупы, садистские фотографии? Смешно… Впрочем, одна деталь привлекла его внимание. В видеотеке непропорционально большое место занимали фильмы мистического и эротического содержания. Может, действительно таким вот образом она взбадривает свое подсознание?

Зато фотографии на стенах наводили на размышления другого рода. Среди персонажей конца прошлого и начала нынешнего века он несколько раз заметил даму, поразительно похожую на хозяйку дома.

Конечно, платья, костюмы, прическа совсем другие, но черты лица, но выражение глаз… Что это? Подгонка облика к легенде, имитация принадлежности к древнему аристократическом роду или?.. Если так, то сколько же ей лет? Она что, вроде героини фильма «Секрет ее молодости» в исполнении Гурченко разменивает уже вторую сотню? И никто этого не замечает и не удивляется? Загадка, достойная размышлений. Ну, если Бог даст, и до этого докопаемся, а пока есть проблемы более животрепещущие…

Когда Сильвия закончила сборы, Сашка не нашел слов для комплиментов, а лишь изобразил немое восхищение.

У дверей их уже ждал большой вишневый «Бентли» с шофером, похожим на премьер-министра теневого кабинета.

Смысл ужина, состоявшегося в действительно респектабельном загородном ресторане, скорее похожем на закрытого типа клуб, ускользнул от понимания Шульгина. Если только не сводился к тому, чтобы показать его двум серьезного вида джентльменам. О делах не говорили совсем, если не считать вполне дежурных фраз о приятности знакомства и возможном его продолжении. Зато

вдумчиво и со вкусом ели, смаковали чересчур тонкие для Шульгина вина, обсуждали перестановки в правительстве, погоду, проблемы ближневосточной политики, прогнозы на предстоящие дерби и тому подобные малоинтересные Шульгину вещи.

Как о деле почти решенном было вскользь сказано, что если мистер Мэллони решит разместить свои капиталы именно в Соединенном Королевстве, то мистер Кэвин Фарелл (слегка похожий на принца Чарльза господин, сидевший слева) окажет всю необходимую помощь и постарается, чтобы дивиденды были максимальными.

Шульгин горячо поблагодарил и заверил, что именно так он и поступит, особенно если будет что размещать. На что Сильвия ответила гримаской легкого недоумения, а господа сотрапезники восприняли как тонкую шутку. Очевидно, хозяйка обрисовала его финансовое положение как прекрасное.

Такая нудная ерунда длилась до полуночи, и Сашка вполне уверился, что жизнь британского высшего света до невозможности скучна. Однако принимающая сторона так не считала, и, расставаясь, все горячо благодарили друг друга за прекрасный вечер.

Так и не поняв, справился ли он со своей ролью, Шульгин вслед за Сильвией погрузился в ароматное чрево автомобиля.

– Вас не затруднит завезти меня в какой-нибудь приличный отель? – спросил он, когда машина описала полукруг по Пикадилли.

– А разве вы еще не устроены? – удивилась Сильвия. – Где же ваш багаж?

Сашка беспечно махнул рукой.

– Номер у меня есть. И вещи там же. Только я не хотел бы туда сейчас возвращаться. По известной вам причине. Если я под контролем, то лучше провести ночь в другом месте. Убедившись, что я не пришел, утром наблюдение скорее всего снимут. А там и посмотрим…

– Тогда лучше поедем ко мне. Гостевые комнаты к вашим услугам. И я уверена, что до утра вы будете в безопасности. Не думаю, что кто-нибудь осмелится потревожить того, кто ужинал с сэром Филиппом.

Спорить Шульгин не стал. Ей виднее.

Устроившись в отведенных ему апартаментах, приняв душ, второй раз за день с тщанием побрившись и облачившись в фиолетовый махровый халат, посмотрев по телевизору ночную программу новостей, от которых отвык за время Валгалло-Замкового сидения и которые не сообщили ему ничего принципиально нового (ведь на Земле прошло всего пять дней с момента их бегства), улучшив свое настроение парой рюмок коньяка, поскольку аристократические вина обладали нулевой убойной силой, Шульгин решил заглянуть к хозяйке. Под благовидным предлогом.

И увидел ее полусидящей в просторной кровати с дикой, на взгляд простого советского человека, расцветкой постельного белья.

Освещенная изогнувшимся над ее головой торшером, Сильвия перелистывала толстую книгу неуместного для чтения в постели формата. Пеньюар модного в этом сезоне цвета «цикламен» почти не скрывал загорелую грудь. Вмонтированное в прикроватную золоченую тумбочку музыкальное устройство наполняло комнату звуками не то Грига, не то Сибелиуса.

Наблюдая с порога эту великолепно выстроенную мизансцену, Сашка еще успел понять, что сейчас не его игра, что теперь все пойдет так, как придумала она, и вряд ли можно угадать замысел режиссера. Сомнительно, что скучающая дамочка решила просто развлечься с приглянувшимся ей гостем или, наоборот, просто сделать приятное ему. Но соображать, что, как и зачем, у него уже не было ни сил, ни желания. Слишком она была соблазнительна и слишком давно он не видел женщины, кажется, готовой разделить с ним ложе.

Сильвия, будто бы только что заметив застывшего на пороге постороннего мужчину, последовательно изобразила на лице испуг, растерянность, смущение и, наконец, радость. Привстав, положила на тумбочку книгу, улыбнулась ободряюще, даже кивнула и выключила торшер.

Стараясь не потерять во внезапно наступившей темноте направление, Шульгин подошел и присел на край постели, протянул руку, коснулся ее распущенных на ночь волос.

Сильвия молча привлекла его к себе, одной рукой обнимая за шею, другой нетерпеливо потянула с его плеч халат. Отодвигаясь к середине кровати, с неожиданной силой повалила на нее Шульгина.

Сашке приходилось иметь дело с достаточным количеством женщин, но ни одна из них не вела себя так, как эта. С полным безразличием к привычкам и желаниям партнера. Он только собирался приступить к обычной преамбуле, как понял, что от него здесь ничего не ждут и не намерены потакать всяким глупостям.

Не успев удивиться ее активности и напору, Шульгин оказался в полной власти той, кого весь день собирался соблазнять и покорять. Остатками трезвого сознания он понял, что попал в руки специалистки высшей квалификации, которая знает, чего хочет и как этого добиться. Сам же он в виде самостоятельной личности интересовал ее настолько мало, что можно было вообразить, будто она вообще одна в постели. Под гладкой и нежной кожей Сильвии скрывались невероятной силы мышцы, эта тонкая, гибкая женщина управлялась с Шульгиным, как ковбой с укрощаемым мустангом, то оказываясь сверху и сжимая его бока стальными шенкелями, то меняла позу на противоположную, и в каждый момент ее руки, ноги, движения спины задавали партнеру необходимый темп и ритм, управляли им как предметом вполне неодушевленным, имеющим лишь одну конкретную функцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zvyagincev_vasiliy/bul-dogi-pod-kovrom

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить